BR
170

ЮЛІАНЪ КУЛАКОВСКІЙ.

ХРИСТІАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

и

РИМСКІЙ ЗАКОНЪ

въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ.

Отвѣтъ на „Нѣсколько замѣчаній“, помѣщенныхъ въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи.

BR
170

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
В. І. Завадзкаго—Б.-Васильк., № 29—31
1892.

ЮЛІАНЪ КУЛАКОВСКІЙ.

ХРИСТІАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

И

РИМСКІЙ ЗАКОНЪ

въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ.

Отвѣтъ на „Нѣсколько замѣчаній“, помѣщенныхъ въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
В. І. Завадзкаго—Б.-Васильк., № 29—31.
1892.

ВВ
170

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1892 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.

БИБЛИОТЕКА
ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ
АКАДЕМІИ
212997

ХРИСТІАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ И РИМСКІЙ ЗАКОНЪ

въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ.

(Отвѣтъ на „Нѣсколько замѣчаній", помѣщенныхъ въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи) [1]).

Discite quod in nobis accusetis, et non accusabitis.
Recognoscite quid in vobis non accusetis, et accusabitis.
Damnate veritatem, sed inspectam si potestis.—Tert. Ad Nat I, 19.

Въ журналѣ „Труды Кіевской Духовной Академіи" за мѣсяцы май и іюнь текущаго года помѣщена обширная статья подъ заглавіемъ тожественнымъ съ тѣмъ, какое я далъ своей публичной лекціи, читанной въ Университетѣ св. Владиміра 8 декабря 1891 года, а именно: „Христіанская церковь и римскій законъ въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ". Въ поясненіе къ этому тожеству заглавія академическій органъ изъясняетъ въ скобкахъ слѣдующее: „Нѣсколько замѣчаній по поводу публичной лекціи на эту тему, читанной г. Юліаномъ Кулаковскимъ" и пр. Хотя слова „нѣсколько замѣчаній" и не обѣщаютъ, повидимому, чего либо обширнаго, а вызвавшая ихъ моя лекція, умѣстилась въ нашемъ университетскомъ органѣ на 31-й страницѣ; но автору „замѣчаній" понадобилось не меньше 214 страницъ въ академическомъ журналѣ для полнаго раскрытія

[1]) Считаю долгомъ пояснить, что я обращался къ редактору „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи" съ вопросомъ насчетъ помѣщенія моего отвѣта въ редактируемомъ имъ изданіи. Я полагалъ, что я обязанъ такъ поступить Хотя г. редакторъ и признавалъ въ принципѣ возможность помѣщенія отвѣта на страницахъ изданія, въ которомъ начата была полемика, но при дальнѣйшемъ обсужденіи дѣло встрѣтило нѣкоторыя трудности, которыя и не позволили осуществиться моему первоначальному намѣренію. Впрочемъ мнѣ было сказано, что мои возраженія, по напечатаніи ихъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ, могутъ быть воспроизведены затѣмъ въ органѣ Академіи, на что я съ своей стороны вполнѣ согласенъ.

своихъ мыслей, такъ что имѣющіеся въ продажѣ отдѣльные оттиски этой статьи представляютъ собою цѣлую книгу.

Если-бы подобная статья, лично ко мнѣ обращенная, появилась въ другомъ какомъ-либо изданіи, а не въ органѣ старѣйшей русской Духовной Академіи, то въ виду ея своеобразія, я бы считалъ отвѣтъ на нее ниже своего достоинства. Дѣло въ томъ, что она во 1) анонимна, какъ и тотъ рѣзкій фельетонъ, который уже появился въ одной газетѣ [1]) по поводу моей лекціи, и оставленъ, конечно, мною безъ отвѣта, и во 2) испещрена бранными словами и черезъ мѣру уснащена такими странными, чтобы не сказать болѣе, пріемами полемики, которые слишкомъ грубы, чтобы обидѣть, и тѣмъ самымъ, не смотря на всю важность вопроса, о которомъ идетъ рѣчь, освобождаютъ того, къ кому они обращены, отъ всякой обязанности принимать брошенный вызовъ и спускаться до спора съ подобнымъ антагонистомъ.

Но въ данномъ случаѣ я вынужденъ счесть отвѣтъ съ моей стороны печальной для себя необходимостью. Направленная противъ меня анонимная статья появилась въ органѣ, равноправномъ нашимъ Университетскимъ Извѣстіямъ, въ которыхъ была помѣщена моя лекція Авторитетъ такого учрежденія, какъ Духовная Академія, придаетъ важность этой статьѣ, совершенно независимо отъ ея внутреннихъ качествъ. Благодаря оффиціальному характеру органа, въ которомъ появилась эта полемика противъ моей лекціи и меня лично, получаетъ, быть можетъ, и самая ея анонимность иной смыслъ, чѣмъ какой она могла-бы имѣть, еслибъ то былъ фельетонъ какого нибудь листка. Неподписанная именемъ автора статья въ оффиціальномъ органѣ ученаго учрежденія можетъ быть сочтена за выраженіе мнѣнія и знаній по данному вопросу самого этого учрежденія, какъ ученой корпораціи. Если-бы это было и не такъ, то ужь во всякомъ случаѣ необходимо понять дѣло слѣдующимъ образомъ: разъ ученое учрежденіе допустило появленіе въ своемъ органѣ анонима, то тѣмъ самымъ оно беретъ на себя отвѣтственность за его содержаніе. Въ виду этого, я чувствую себя вынужденнымъ принять на себя непріятную обязанность отвѣчать невѣдомому мнѣ по имени

[1]) Южный Край, № 3834, 1 марта 1892 года. Журналъ „Благовѣстъ“ счелъ достойнымъ своего почтеннаго наименованія перепечатать полностью эту анонимную и ничѣмъ не обоснованную брань. См. второй мартовскій номеръ этого журнала, Вып. 35.

антагонисту. Если я говорю: антагонисту, то дѣлаю это изъ уваженія къ Академіи, какъ учрежденію. Дѣло въ томъ, что тонъ и характеръ статьи, противъ меня направленной, обличаютъ со стороны полемиста самое полное забвеніе всякого литературнаго и иного приличія. Дозволить себѣ дойти до подобнаго, незнающаго мѣры, озлобленія не можетъ цѣлая ученая корпорація. Что касается до самого антагониста, то онъ даетъ отчасти разгадку тона своей полемики, употребляя часто слово „негодованіе“ въ примѣненіи къ мыслямъ и аргументаціи, съ какими онъ встрѣчался въ моей лекціи, и самая полемика носитъ гнѣвный и страстный характеръ. Но—Quid est enim aliud irasci, скажемъ словами христіанскаго писателя Арнобія, quam insanire, quam furere, quam in ultionis libidinem ferri... Ubi enim est ullus, sicut sapientibus videtur, adfectus, ibi esse necesse est passionem; ubi passio sita est, perturbationem consentaneum est consequi [1]). И та perturbatio, которая постигла моего антагониста, заставила его позабыть вмѣстѣ съ приличіемъ и всякую осторожность. Онъ выказалъ не только предвзятость,—что само по себѣ до извѣстной степени простительно и въ извѣстныхъ условіяхъ понятно,—но сдѣлалъ также не мало весьма важныхъ грѣховъ, которые съ очевидностью предстанутъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Я уже и не говорю тутъ о моральной сторонѣ дѣла...

Въ своей лекціи я изложилъ избранный мною вопросъ непосредственно по критически провѣреннымъ фактамъ. Считая во всемъ всегда и вездѣ для всякой ученой работы обязательнымъ знакомство съ первоисточниками, я заимствовалъ всѣ свѣдѣнія непосредственно изъ нихъ и проставилъ въ примѣчаніяхъ цифры, обозначающія мѣсто нахожденія даннаго свидѣтельства. Я не перепечатывалъ самыхъ свидѣтельствъ, такъ какъ всякій, желающій провѣрить мои ссылки, можетъ самъ обратиться къ названнымъ мною источникамъ, и мои ссылки его не обманутъ. Первымъ достоинствомъ историческаго изложенія я считаю то, чтобы факты представали въ конкретной и осязательной ясности и опредѣленности. Будучи сгруппированы въ той или иной схемѣ и сами себя взаимно освѣщая, они и даютъ историческую картину. Предоставляю безпристрастному читателю судить о

[1]) Arnobius, Adversus Nationes, I, 17 и 18 (цитую по вѣнскому изданію 1875 г.).

томъ, въ какой степени удалось мнѣ въ этой лекціи приблизиться къ моему идеалу историческаго изложенія. Самъ-же я съ чистой совѣстью могу сказать, что чувствовалъ и продолжаю себя чувствовать въ надежной бронѣ, такъ какъ въ моей лекціи дано изложеніе событій въ ихъ исторической послѣдовательности, и я прежде всего старался быть объективнымъ въ воспроизведеніи свидѣтельствъ изъ первоисточниковъ.

Мой безименный обличитель, надѣляя мое изложеніе качествами: „староримская важность", „величавость", заявляетъ съ своей стороны намѣреніе „нарушить красоту складокъ его (т. е. моей) классической тоги, и показать, какую цѣну имѣютъ цитаты автора, какъ онъ пользуется первоисточниками и каковъ характеръ этой многоцитатной учености?" (стр. 9). Но это свое подлинное намѣреніе онъ выполняетъ, и то лишь отчасти, во второй половинѣ своей обширной работы (въ какой степени онъ достигаетъ цѣли,—это будетъ видно ниже); онъ подступаетъ къ дѣлу исподволь и борется противъ моего фактическаго изложенія неравнымъ оружіемъ: разсуждаетъ, бранится, инсинуируетъ, прибѣгаетъ къ искаженію словъ, приписываетъ мнѣ мысли и положенія, которыя мною не высказаны, взываетъ о своемъ негодованіи и долго, повидимому безъ надобности, извивается около вопроса. Воображая, что я на что-то нападаю, онъ защищаетъ это что-то. Сознаюсь откровенно, что я не понимаю, что онъ защищаетъ; но во всякомъ случаѣ—не истину, ибо истина не нуждается въ подобныхъ пріемахъ для своего проявленія.

Мой антагонистъ начинаетъ съ похвалы нашему Университету за доброе дѣло—чтеніе лекцій въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая—съ цитатой изъ Апостола Павла (1 Кор. 9, 11), выясняетъ затѣмъ различіе между публичной лекціей и ученымъ рефератомъ и высказываетъ при этомъ рѣзкое порицаніе мнѣ за избранную мною тему изъ области исторіи церкви; далѣе слѣдуютъ двѣ—не могу иначе выразиться — инсинуаціи. Одна — о мнимой связи моей лекціи съ рефератомъ Вл. С. Соловьева, читаннымъ въ Москвѣ 18 октября; другая—о столь-же мнимой зависимости моей лекціи отъ книги Aubé: Histoire des persécutions de l'Eglise jusqu'à la fin des Antonins. По поводу перваго обвиненія замѣчу только, что тема и срокъ моей лекціи были назначены въ засѣданіи, происходившемъ 12 октября, съ тѣмъ чтобы, по внесеніи въ общій списокъ, поступить на разрѣ-

шеніе по начальству. Рефератъ г. Соловьева напечатанъ не былъ, а газетный шумъ изъ-за него происходилъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, продолжался и позднѣе. По второму пункту могу сообщить, что экземпляра этого тома Aubé, извѣстнаго мнѣ по заголовку, не оказалось въ нашей университетской библіотекѣ. Я намѣревался сначала обратиться въ библіотеку Академіи; но такъ какъ не нашелъ тамъ въ то именно время столь важныхъ изданій, какъ Hippolyti Refutatio omnium haeresium въ изданіи Duncker'a и Schneidewin'a, Origines, Contra Celsum въ изданіи Lommatzsch'a, то никакъ не разсчитывалъ найти тамъ и книгу Aubé, знакомству съ которой и не придавалъ особеннаго значенія, имѣя подъ руками много старыхъ трудовъ, начиная съ Neander'a и кончая новѣйшими, Schultze и Neumann. Съ первымъ томомъ Aubé я познакомился уже позднѣе, въ краткое мое пребываніе въ Петербургѣ въ январѣ мѣсяцѣ. Хотя мой обличитель какъ здѣсь въ началѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи съ злорадствомъ розыскиваетъ сходство въ воззрѣніяхъ между мною и Aubé, но онъ и самъ плохо вѣритъ, повидимому, въ правильность своего подозрѣнія. Вѣдь если-бы онъ вѣрилъ, что мой источникъ есть Aubé, то къ чему тогда его полемика противъ меня? А что во всѣхъ изложеніяхъ по исторіи церкви можетъ оказаться сходство въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ непосредственно излагается тотъ или иной крупный фактъ въ прямой передачѣ свидѣтельства изъ первоисточника, — это разумѣется само собою. Мой обличитель настолько безпристрастенъ (хотя никакъ не по безпристрастію), что часто отмѣчаетъ и различіе мое отъ Aubé, а равно и отклоненіе отъ толкованій этого французскаго автора. Онъ считаетъ это ироніей и сарказмомъ, и я охотно предоставляю ему наивное удовольствіе сличать два совершенно независимыя другъ отъ друга изложенія и дивиться ихъ сходствамъ и различіямъ. Своего „безпристрастія“ не доводитъ мой обличитель однако до того, чтобы указать, сколько вопросовъ и какіе именно трактованы мною помимо тѣхъ, на которыхъ долженъ былъ, по схемѣ своего изложенія, останавливаться Aubé въ названномъ томѣ. Но это и понятно: для него важно не выясненіе истины, а нѣчто другое: ему желательно лишь бросить тѣнь на своего противника. Пріемъ удобный, но врядъ-ли похвальный...

На стр. 18 мой антагонистъ сначала формулируетъ „сущность воззрѣній“ моихъ въ три положенія, предлагаетъ затѣмъ краткое изложеніе моей лекціи (стр. 18—23) и еще разъ резюмируетъ по

своему тоже самое (стр. 23—25). Далѣе слѣдуютъ: экскурсъ по поводу моихъ замѣчаній о римской религіи (стр. 25—42), возраженіе мнѣ по вопросу о казняхъ Нерона (стр 42—60), краткое поминаніе о преслѣдованіи христіанъ имп. Домиціаномъ (стр. 60—63), полемика со мной, вращающаяся около переписки Плинія Младшаго съ имп. Траяномъ и въ заключеніе патетическое мѣсто о христіанскихъ мученикахъ (стр. 63 — 92), обвиненіе меня въ фальсификаціи (!?) актовъ сцилитанскихъ мучениковъ (стр. 92—117) [1]), замѣчанія по поводу актовъ Ахація и посланія Ліонской и Вьеннской церквей, сохраненнаго у Евсевія (стр. 117—123), изложеніе статьи Моммзена по вопросу о преслѣдованіяхъ христіанъ и полемика со мною по этому поводу (стр. 123—163), изъясненіе процесса противъ христіанъ (стр. 163—180), полемическія замѣчанія по разнымъ частнымъ пунктамъ (стр. 181—209) и наконецъ—общее патетическое заключеніе съ увѣщаніемъ и совѣтомъ, обращенными ко мнѣ лично (стр. 209—214).—Такова общая схема этого обширнаго обличенія.

Вполнѣ допуская возможность заблужденія или ошибки во всякомъ человѣческомъ знаніи даже по отношенію къ вопросамъ самымъ простымъ и близкимъ и радѣя искренно во всемъ, о чемъ я писалъ и чѣмъ занимался, объ одной истинѣ, я всегда былъ и буду готовъ выслушать несогласіе съ моимъ утвержденіемъ, вдуматься въ его причины и поискать у себя самого ошибки или заблужденія, которое усматриваютъ или признаютъ другіе. Если мой обличитель находился, по собственному сознанію, въ состояніи аффекта, то я былъ счастливѣе его, ибо чувствовалъ и чувствую себя совершенно спокойнымъ. Я былъ счастливѣе его и въ другомъ отношеніи, а именно: тогда какъ мой обличитель, по своей достойной удивленія прозорливости, напередъ рѣшилъ, что не встрѣтитъ въ моей лекціи ничего для себя поучительнаго (см. стр. 5), я съ своей стороны, придерживаясь всегда римскаго принципа: quisque praesumitur bonus, donec probetur contrarium, предполагалъ, что въ органѣ Духовной Академіи въ изложеніи ученаго вопроса, хотя-бы и въ полемической формѣ, я встрѣчу нѣчто серьезное, продуманное и обоснованное аргументами солиднаго знанія.

Съ такими мыслями приступалъ я къ чтенію труда моего антагониста и долженъ здѣсь заявить, что я никоимъ образомъ не считалъ-

[1]) Я называю страницы отдѣльнаго оттиска, счетъ которыхъ, начиная съ 93-ей, идетъ иначе въ іюньской книжкѣ „Трудовъ“.

бы для себя постыднымъ отступиться отъ того или другаго своего утвержденія, если-бы его ошибочность была мнѣ доказана; напротивъ, я бы считалъ своимъ долгомъ предъ истиной, которой одной служимъ мы всѣ, люди науки, сознаться въ ошибкѣ и въ дальнѣйшемъ исправить ее. Но, къ моему немалому изумленію, оказалось, что мой антагонистъ не привелъ мнѣ ни одного факта, кромѣ тѣхъ, которые я и самъ имѣлъ въ виду; что онъ ничему не научилъ меня въ смыслѣ лучшаго или болѣе глубокаго пониманія этихъ фактовъ. Такимъ образомъ, я съ чистой совѣстью смѣю считать правильнымъ все то, что я изложилъ. Скажу больше, то обстоятельство, что полемистъ, вошедшій въ своемъ разборѣ во всѣ подробности моей лекціи (кромѣ тѣхъ пунктовъ, которые онъ призналъ „ненужными“, какъ вопросъ объ Іудеяхъ), разбиравшій и трактовавшій не только отдѣльныя выраженія, но даже и отдѣльныя слова, полемистъ, столь рачительный и усердный, не съумѣлъ указать мнѣ моихъ погрѣшностей или ошибокъ,—это обстоятельство можетъ быть принято мною за вящее доказательство правильности моихъ сужденій и выводовъ. Мой антагонистъ смотритъ, какъ то и естественно, иначе на результаты своей полемики. Такъ какъ онъ возражалъ на все въ моей лекціи, за исключеніемъ „ненужнаго“ въ ней, то онъ полагаетъ, что на все и возразилъ и все въ ней опровергъ, а поэтому онъ и заканчиваетъ свое писаніе съ чувствомъ полнаго торжества побѣды. Не завидую ему въ этомъ, ибо такое его сознаніе есть грѣхъ противъ истины. По существу дѣла мнѣ очень легко доказать справедливость этого моего утвержденія; но нѣкоторыя затрудненія создаетъ мнѣ манера писать, какой придерживается мой обличитель, а именно: широта и пространность его изложенія, обиліе повтореній, противорѣчія самому себѣ и тотъ задоръ полемики, который побуждаетъ его возражать не только на мысли, но и на отдѣльныя слова, по поводу которыхъ онъ часто дѣлаетъ цѣлые экскурсы. Перебрать здѣсь въ отдѣльности всю аргументацію моего антагониста значило-бы брать на себя обязанность написать по меньшей мѣрѣ столько-же, сколько написалъ онъ. Сознаюсь, что не считаю этого въ данномъ случаѣ ни нужнымъ, ни полезнымъ. Я предпочитаю выбрать главное и существенное, а такъ какъ во всякой исторической работѣ первымъ и главнымъ условіемъ является непосредственное знакомство съ первоисточниками, ибо отъ ихъ правильнаго пониманія за-

виситъ и самая постановка вопроса, то естественно поставить на первомъ мѣстѣ этотъ именно пунктъ. Мой обличитель утверждаетъ, что я не знаю источниковъ и даже позволилъ себѣ фальсифицировать (!) одинъ первостепенной важности документъ. Вторымъ пунктомъ обличенія могу я поставить утвержденіе моего антагониста, будто я не только неправильно сослался на Моммзена въ подтвержденіе моихъ мыслей, но даже „перевернулъ на изнанку" этого ученаго. Входя въ подробное доказательство и обсужденіе этихъ утверждаемыхъ имъ моихъ преступленій,—подобныя вещи со стороны человѣка, носящаго ученое званіе, я самъ признаю не только преступленіями, но даже самыми тяжкими, какія онъ въ этомъ званіи можетъ совершить,—мой обличитель касается по пути разныхъ историческихъ и юридическихъ вопросовъ, утверждая повсюду яко-бы допущенныя мною заблужденія и ошибки.

Въ связи съ указаннымъ здѣсь остовомъ направленнаго противъ меня обличенія предлагаю въ дальнѣйшемъ свой отвѣтъ. Пунктъ объ источникахъ обнимаетъ слѣдующіе факты: 1) Нероновы казни христіанъ, 2) переписка Плинія Младшаго съ императоромъ Траяномъ, 3) Acta martyrum Scilitanorum [1]). 4) Passio s. Achatii, свидѣтельство Евсевія о ліонскихъ мученикахъ 177 года и Ипполита о папѣ Каллистѣ. Таковъ порядокъ мѣста этихъ обвиненій въ изложеніи моего обличителя. Свой отвѣтъ я начну съ самаго сильнаго и рѣзче всего выраженнаго обвиненія.

Acta Martyrum Scilitanorum.

На страницахъ 21—23 моей лекціи я привелъ въ переводѣ протоколъ судебнаго разбирательства по дѣлу сцилитанскихъ мучениковъ, пользуясь имъ какъ подлиннымъ документомъ для выясненія сущности и характера процесса противъ христіанъ. Самое событіе я отнесъ къ 17 іюля 180 года.

По утвержденію моего антагониста, мое изложеніе въ этомъ мѣстѣ—„есть не болѣе, какъ грубая фальсификація, невозможный сумбуръ, съ прибавкой комической нелѣпости". „Мѣсто этого знаменитаго

[1]) Мой обличитель пишетъ это имя съ двумя *l*—Scillitanorum, какъ у Баронія, но въ текстахъ, вновь найденныхъ, оно пишется съ однимъ *l*, этой орѳографіи я и буду придерживаться, за исключеніемъ цитатъ изъ его текста

точнаго перевода не въ ученомъ трудѣ, а въ скандальной хроникѣ“ (стр. 93 и 94). Я „произвелъ“, по его словамъ, „возмутительную операцію“ надъ этимъ протоколомъ процесса. Онъ нашелъ въ моемъ переводѣ „извращенныя выраженія“, „изуродованныя фразы“ (стр 109). „Все изложеніе превращается въ какую-то путаницу и нелѣпицу“ (стр. 112), „Актовъ этихъ онъ (т. е. я) не видалъ (и цитатъ поставилъ невѣрно: 6-й іюльскій томъ, а слѣдовало 4-й) [1]). Напротивъ, онъ (т. е. я) сообщилъ ученому міру совершенно новую самостоятельную редакцію актовъ сциллитанскихъ мучениковъ, подлинникъ которой онъ откопалъ въ своей *либеральной котомкѣ*“ (курсивъ подлинника). „Въ отличіе отъ доселѣ извѣстныхъ трехъ редакцій актовъ сциллитанскихъ мучениковъ, эта своеобразная четвертая, показывающая, что только по видимости судили и карали христіанъ за вѣру, по праву должна носить имя открывшаго и издавшаго ее ученаго. Доселѣ мы знали 1) Acta proconsularia Martyrum Scillitanorum ex Card. Baronio, или Acta Baroniana, 2) Acta Mart. scillit. ex cod. Ms. Bibliothecae Colbertinae, 3) Acta alia Sincera ex Ms. Bibliothecae ecclesiae Toletanae. А теперь мы имѣемъ еще 4) Acta *falsa* (к. п.) ex Ms. Cotomcae Culacovianae“ (стр. 116 и 117).

Это сильное (?) обвиненіе въ „фальсификаціи“ доказывается на стр. 95—101, перепечаткой двухъ текстовъ актовъ, какъ они даны въ IV-мъ томѣ *Acta Sanctorum* изданія Болландистовъ, съ сопоставленіемъ между ними 21, 22 и 23 страницъ моего изложенія. Для вящшаго убѣжденія мой обличитель перепечатываетъ весь мой текстъ, а не только то, что у меня поставлено въ ковычкахъ и тѣмъ обозначено, какъ переводъ. Не довольствуясь впечатлѣніемъ различія между моимъ переводомъ и латинскими текстами, онъ имѣетъ терпѣніе предложить на стр. 102—111 подробное сличеніе всѣхъ очевидныхъ и безъ того, изъ самаго сопоставленія, различій, причемъ находитъ довольно матеріала для глумленія надъ переводомъ и переводчикомъ. Вскользь касается онъ вопроса о хронологіи этихъ актовъ. Онъ замѣчаетъ по этому поводу, что „изслѣдователи, начиная съ Ба-

---

[1]) Опечатка или, быть можетъ, описка на счетъ числа тома — справедливое замѣчаніе, но разъ показана страница, годъ изданія, а въ текстѣ и самый день мученичества, то эта ошибка никого не могла ввести въ заблужденіе.

ронія, пріурочиваютъ событіе къ 202 году и не раньше 200-го. Г. Кулаковскому актъ нуженъ для 2-го столѣтія, и онъ, не задумываясь, вмѣсто *императоровъ* (к. п.) Севера и Антона (sic), ставитъ *императора* (к. п.), и относитъ событіе къ 17 іюля 180 года, когда императоръ былъ одинъ Коммодъ (Маркъ Аврелій скончался за 4 мѣсяца предъ тѣмъ). Для насъ, положимъ, это передвиженіе на 20 лѣтъ вверхъ, на 20 лѣтъ внизъ, неважно (т. е. для уясненія вопроса о внѣшнемъ положеніи христіанства)" (стр. (113).

Итакъ выходитъ, будто я сочинилъ редакцію актовъ и совершенно произвольно передвинулъ самое событіе на 20 лѣтъ назадъ, причемъ послѣднее обстоятельство, къ моему великому удивленію, оказывается не имѣющимъ существеннаго значенія. Спасибо! но я не принимаю этой снисходительности и считаю хронологію событія существенно важной въ данномъ случаѣ. Какъ-же обстоитъ дѣло съ этими столь непростительными моими прегрѣшеніями?

Изъ состраданія къ своему антагонисту, который очевидно признаетъ себя спеціалистомъ по церковной исторіи, я долженъ высказать сердечное сожалѣніе, что одинъ мелкій корректурный недосмотръ съ моей стороны въ примѣчаніи къ этому мѣсту на страницахъ нашихъ Извѣстій заставилъ его такъ много волноваться, такъ много трудиться надъ сличеніемъ моего перевода съ мнимымъ моимъ подлинникомъ, столько написать лишняго и выказать при этомъ такое небреженіе къ важнымъ открытіямъ въ его спеціальной области. Мнѣ вчуже жаль этого напраснаго волненія, такъ какъ мой обличитель, по его словамъ, долженъ былъ „собрать все свое хладнокровіе, чтобы спокойно отнестися къ дѣлу" (стр. 92). И всетаки, потому-ли, что негодованіе было слишкомъ сильно, или потому, что хладнокровія у него мало, ему не удалось отнестись спокойно. Если-бы онъ былъ хладнокровенъ, то навѣрное задумался-бы надъ тѣмъ, почему въ моемъ текстѣ имя одной изъ женщинъ есть Гестія, а не Vestina, какъ читается у Баронія, или Vestigia—въ текстѣ Кольбертинскомъ. Онъ бы остановился немного больше на различіи въ хронологической датировкѣ. Быть можетъ, это привело-бы его къ сознанію необходимости справокъ по этому вопросу. Одна самая простая справка вывела-бы его на надлежащій путь. Ему бы слѣдовало заглянуть въ январьскую книжку журнала „Русское Обозрѣніе" за текущій годъ и прочесть первое примѣчаніе на стр. 316-й. Въ этой книгѣ московскаго

журнала напечатана таже самая моя лекція. Это не только извѣстно моему обличителю, но даже вызвало съ его стороны не мало рѣзкихъ замѣчаній (стр. 8, примѣч 1, стр. 214)[1]). Вотъ это роковое для него примѣчаніе: „*Acta Sanctorum Julii* t. VI p. 214 (Venetiis. 1748) *Acta Martyrum Scilitanorum Graece edita.* Bonnae. 1881". Въ текстѣ моей лекціи, напечатанномъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ по какой-то незамѣченной мною при первой корректурѣ оплошности наборщика, дана только первая половина примѣчанія. Итакъ, кромѣ давно извѣстныхъ редакцій актовъ мучениковъ сцилитанскихъ, есть еще одна болѣе новая, но это уже далеко не новинка, ибо она публикована въ 1881 году, т. е. *за десять лѣтъ*, а теперь даже 11, до настоящаго времени. Полагаю, что знакомство съ подобнаго рода давнимъ уже открытіемъ обязательно для спеціалиста. Если-же этотъ спеціалистъ о немъ ничего не зналъ, то по моей ссылкѣ онъ бы долженъ былъ поискать этотъ памятникъ и сличить его съ давно извѣстными редакціями этихъ актовъ. Такъ какъ мой антагонистъ остался въ полномъ невѣдѣніи на этотъ счетъ, то я считаю себя обязаннымъ подѣлиться съ нимъ слѣдующими данными.

Открытіе сдѣлано случайно профессоромъ Боннскаго университета, Германомъ Узенеромъ, въ Парижской библіотекѣ. Узенеръ нашелъ греческій текстъ актовъ въ рукописи съ очень древней датой, а именно: апрѣль мѣсяцъ 890 года. Изданію текста проф. Узенеръ предпослалъ краткое введеніе, въ которомъ онъ между прочимъ утверждаетъ на основаніи данныхъ языка, что греческій текстъ есть не-

---

[1]) Такъ какъ моя лекція была литературно обработана, то я и желалъ помѣстить ее въ литературномъ журналѣ, въ которомъ я помѣщалъ кое-что и раньше. Мнѣ удалось исполнить это намѣреніе. Появленіе-же ея на страницахъ Извѣстій есть дѣло оффиціальное. Что касается утвержденія, будто я „выпустилъ" свою лекцію, кромѣ того, „въ отдѣльномъ оттискѣ, для большей распространенности", то это—ложь. Оттиски нашихъ работъ, помѣщаемыхъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ, мы всѣ и всегда получаемъ въ устанавливаемомъ, по соглашенію съ редакторомъ, количествѣ, на счетъ чего существуютъ у насъ опредѣленныя правила. Оттиски моей лекціи получилъ и я, но не „выпускалъ" ихъ, въ виду того, что лекція моя напечатана также въ литературномъ журналѣ, а лишь раздавалъ нѣкоторымъ моимъ знакомымъ и товарищамъ. Теперь, когда моя лекція уже не новинка, я готовъ предоставить книгопродавцу остающееся у меня небольшое число оттисковъ.

сомнѣнно переводъ съ латинскаго подлинника. Сличеніемъ съ извѣстными прежде редакціями издатель поставилъ внѣ всякаго сомнѣнія положеніе, что греческій переводъ имѣетъ гораздо бо́льшую степень подлинности, чѣмъ латинскія версіи, причемъ онъ удостовѣряетъ преимущественную неточность редакціи, послужившей оригиналомъ Баронію (Baronii exemplo impudentissime contaminato... Negabisne ab interpolatore, ut narrationem nimis simplicem exornaret, inventam esse?—послѣднее по поводу подробности относительно раздѣленія допроса на два дня). Какую противоположность этому мнѣнію общепризнаннаго авторитета въ вопросахъ критики древнихъ текстовъ представляетъ сужденіе моего обличителя! На стр. 177 онъ характеризуетъ „редакцію ex Baronio“ (?!) такъ: „Сухой, безпристрастный, сжатый, дѣловой, настоящій оффиціальный протоколъ правительственнаго нотарія“. Увы, какъ-же мало документовъ этого рода читалъ онъ, когда таково его мнѣніе!—Хронологія событія дана въ именахъ консуловъ, которыми начинается самый документъ. Вмѣсто безсмысленнаго чтенія редакціи Баронія: Existente Claudio consule, греческій подлинникъ даетъ слѣдующее: πέρσαντος τὸ δεύτερον καὶ κλαυδιανοῦ τῶν ὑπάτων. Прослѣдивъ хронологію годовъ по извѣстнымъ намъ изъ другихъ источниковъ именамъ консуловъ, Узенеръ поставилъ въ своемъ текстѣ имена: Πραίσεντος τὸ δεύτερον καὶ Κονδιανοῦ т. ὑ., т. е. 180 годъ нашей эры [1]).

По изданному Узенеромъ греческому тексту, который, и по моему сужденію, заключаетъ въ самомъ себѣ для всякаго непредубѣжденнаго читателя очевидное доказательство подлинности, сдѣланъ мой переводъ въ текстѣ лекціи. Если-же я не отмѣтилъ въ своемъ примѣчаніи, что мой переводъ должно сличать именно съ этимъ текстомъ, а не со старыми латинскими редакціями, если я привелъ въ примѣчаніи кромѣ этого текста и указаніе на прежде извѣстныя редакціи; — то первое потому, что я печаталъ не *изслѣдованіе*, а *публичную лекцію*, которую я притомъ считалъ себя обязаннымъ напечатать въ томъ видѣ, какъ ее слышали лица, удостоившіе меня своимъ посѣщеніемъ; что-же до втораго,—а именно, что названы также и старыя редакціи,—то это

---

[1]) Полныя имена этихъ консуловъ: C. Bruttius Praesens и Sex. Quintilius Condianus. См Klein, Fasti consulares, Lipsiae. 1881. p. 81.

было сдѣлано для большей точности указанія на бывшій у меня въ рукахъ матеріалъ и для того, чтобы не вызвать у читателя представленія, будто акты объ этихъ мученикахъ открыты впервые только въ 1881 году и были неизвѣстны дотолѣ.

Послѣ вышеизложеннаго мнѣ незачѣмъ приводить цѣликомъ документальное доказательство правильности и точности моего перевода, надъ которымъ позволилъ себѣ столь несправедливо и неосновательно глумиться мой антагонистъ. Это сдѣлать не трудно, перепечатавъ здѣсь сравнительно краткій греческій текстъ. Но я ограничусь меньшимъ: чтобы было очевидно. что я ничего существеннаго въ вопросахъ и отвѣтахъ не пропускалъ и ничего произвольно не комбинировалъ, я приведу лишь нѣсколько фразъ изъ числа тѣхъ, которыя особенно возмущали моего антагониста. Такъ, первое слово проконсула:

Baron.	*Кольберт. ред.*	*Греч. т. Узенера.*	*мой переводъ.*
Potestis veniam a dominis nostris imperatoribus Severo et Antono promereri, si bono animo conversi fueritis ad deos nostros.	Potestis indulgentiam a dominis nostris imperatoribus promereri, si ad bonam mentem redeatis et deorum nostrorum ceremonias observatis[1]).	Δύνασθε παρὰ τοῦ ἡμῶν αὐτοκράτορος συγχωρήσεως ἀξιωθῆναι, ἐὰν ἄρα σώφρονα λογισμὸν ἀνακαλέσησθε.	„Императоръ проститъ васъ, если вы образумитесь“.

По утвержденію моего обличителя, я пропустилъ въ своей передачѣ весьма существенную „подробность“ (ковычки подл.), не помянувъ о возвращеніи къ почитанію языческихъ боговъ (стр. 102). Но это поминаніе о богахъ есть вставка позднѣйшаго распространителя. Отвѣтъ Сперата.

Baron.	*Кольбер. редак.*	*Греч. текстъ.*	*мой переводъ.*
Nos minime aliquando malum fecimus; neque	Numquam male egisse conscii sumus; iniquitati	Οὐδέποτε ἐκακουργήσαμεν, οὐδέποτε κατηρασά-	„Мы не сдѣлали ничего дурнаго, никогда никого

[1]) Мой обличитель воспроизвелъ текстъ по изданію Болландистовъ, не замѣтивъ въ концѣ очевидной ошибки: надлежитъ читать observetis.

iniquitatem sequentes, in peccatis egimus operationem, nec aliquando cuiquam malediximus; sed male suscepti a vobis, gratias egimus semper. Quamobrem Dominum verum et regem adoramus.	sensum non praebuimus; nulli umquam (nos) maledixisse recolimus; sed male tractati ac lacessiti semper (Deo) gratias egimus; siquidem pro eis oravimus, quos injuste patiebamur infestos. Pro qua re et imperatorem nostrum attendimus, a quo nobis (haec) vivendi norma concessa est.	μεθα, ἀλλὰ μὴν καὶ κακῶς δεχθέντες εὐχαριστοῦμεν, ἐπειδὴ τῷ θεῷ ἡμῶν καὶ βασιλεῖ δουλεύομεν.	не проклинали, мы благодарностью воздаемъ даже за притѣсненія и обиды, потому что мы служимъ Господу Богу нашему".

По поводу этого мѣста мой обличитель входитъ даже въ препирательство: „Да и переводъ невѣрный: не за притѣсненія и обиды воздаемъ благодарностью", т. е. притѣсняющимъ, а будучи притѣсняемы и обижаемы, всегда благодарили, т. е., какъ поясняетъ Кольбертинскій варіантъ,—Бога. Что Кольбертинское поясненіе должно быть принято, видно какъ изъ продолженія T [1]): siquidem pro eis oravimus, quos..., такъ и изъ дальнѣйшаго текста B, который стоитъ съ предыдущимъ въ связи не причинной, а пояснительно-заключительной: quamobrem Dominum verum et regem adoramus—поэтому мы и покланяемся Владыкѣ истинному и Царю" (стр. 103).—На это я долженъ замѣтить, что мой обличитель плохо знакомъ съ духомъ древнѣйшаго христіанства и совсѣмъ позабылъ два мѣста изъ Евангелія: „Любите враги ваша, благословите кленущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ и молитеся за творящихъ вамъ напасть и изгоняющія вы" (Мат. 5, 44). „Любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, благословите кленущія вы и молитеся за творящихъ вамъ обиду" (Лук. 6, 27—28).

[1]) Такъ обозначаетъ мой обличитель Кольбертинскую редакцію.

Благодарность врагу и обидчику за обиду, какъ завѣтъ христіанской морали, утверждена въ „Ученіи 12 апостоловъ“ [1]); она-же, какъ осуществляемая въ христіанской общинѣ, засвидѣтельствована и въ недавно открытой Апологіи Аристида. „Они (т. е. христіане) оказываютъ, говоритъ Аристидъ, помощь обижающимъ ихъ, становятся ихъ друзьями и дѣлаютъ добро врагамъ“ (гл. XV) [2]). Утвержденіе этой морали въ греческомъ текстѣ и есть само по себѣ доказательство подлинности этой редакціи. Но позднѣйшіе христіане уже чужды были этого духа кротости и всепрощенія; въ этомъ тонѣ и интерполированъ въ данномъ мѣстѣ нашъ текстъ.

Я не буду продолжать дальше этого сличенія, чтобы не доказывать и безъ того уже ясной ошибки и очевиднаго заблужденія моего обличителя, но приведу лишь ту фразу, надъ которой онъ такъ много и часто глумится, а именно: вопросъ проконсула о книгахъ и отвѣтъ на него Сперата.

B.	*Кольбер. ред.*	*Греч. текстъ.*	*мой переводъ.*
Qui sunt libri, quos adoratis legentes? Speratus respondit: Quatuor Euangelia Domini nostri Jesu Christi. et Epistolas sancti Pauli Apostoli et omnem divinitus inspiratam Scripturam.	Quae sunt, dicite mihi, res doctrinarum in causa et religione vestra? Sanctus Speratus dixit: libri Euangeliorum et epistolae Pauli viri sanctissimi Apostoli.	Ποῖαι πραγματεῖαι ἐν τοῖς ὑμετέροις ὑπόκεινται σκεύεσιν; ὁ ἅγιος Σπερᾶτος εἶπεν· Αἱ καθ' ἡμᾶς βίβλοι καὶ αἱ πρὸς ἐπὶ τούτοις ἐπιστολαὶ Παύλου τοῦ ὁσίου ἀνδρός.	„Что это у васъ за книги въ котомкѣ?“ Сператъ сказалъ: „наше священное писаніе и посланія святаго мужа Павла“.

Употребленное мною слово „котомка“ не только удивляетъ моего обличителя, но и забавляетъ его. Съ претензіей на остроуміе, онъ долго глумится надъ этимъ словомъ (стр. 114—116) и въ заключеніе

---

[1]) Цитую по изданію Harnack'a, Leipzig 1884, стр. 4, гл. I, 3.—Εὐλογεῖτε τοὺς καταρωμένους ὑμῖν καὶ προσεύχεσθε ὑπὲρ τῶν ἐχθρῶν ὑμῶν, νηστεύετε δὲ ὑπὲρ τῶν διωκόντων ὑμᾶς.

[2]) Кіев. Унив. Извѣстія, 1892, апрѣль, моя статья объ этой Апологіи, стр. 10.

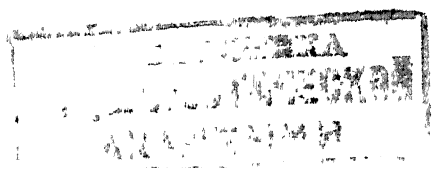
заявляетъ, что акты, по которымъ я переводилъ, суть „*falsa* ex Ms. Cotomcae Culacovianae“ (стр. 117). Охотно прощаю ему эту неумѣстную веселость. По поводу самаго слова скажу лишь одно: греческое σκεύη могло соотвѣтствовать въ латинскомъ подлинникѣ слову *sarcinae*, что обозначаетъ всякій багажъ, вьюкъ-ли то будетъ, ранецъ, мѣшокъ на спинѣ; а потому свой переводъ я (до недавняго времени) и считалъ единственно правильнымъ и нисколько неуязвленнымъ со стороны развеселившагося обличителя. Что-же касается до даннаго мѣста оригинала, то кто можетъ сомнѣваться на счетъ того, греческій-ли, или латинскій текстъ ближе къ подлиннику? Интерполяція рецензіи Баронія самымъ рѣзкимъ образомъ бросается въ глаза. Разсужденія-же моего обличителя на счетъ того, что „не могли сцилитанскіе страдальцы принести съ собою на судъ Свящ. Писаніе, если-бы они имъ и владѣли, зная, что разсужденій о вѣрѣ на основаніи Свящ. Писанія не допустятъ“ (стр. 115), я считаю совершенно неумѣстными. Они-ли сами принесли, или другой кто, этого мы не знаемъ и гадать объ этомъ—значитъ терять по пусту слова. Все, что въ данномъ случаѣ мы слышимъ о Свящ. Писаніи, исчерпывается этимъ краткимъ текстомъ. Изъ него ясно, что Свящ. Писаніе на судѣ фигурировало, но не привлекло къ себѣ ближайшаго вниманія проконсула. Союзъ *и* между упоминаніемъ о Свящ. Писаніи и посланіями апостола Павла — интересная подробность этого текста. Она сохранена и въ латинскихъ редакціяхъ. Обличитель по этому поводу замѣчаетъ: „Выходитъ, что посланія святаго мужа Павла—нѣчто отдѣльное отъ Свящ. Писанія....“ Его многоточіе въ данномъ случаѣ мнѣ не совсѣмъ понятно: богослову и надлежало изъяснить, почему посланія ап Павла словно противополагаются Свящ. Писанію? Вѣдь не я ввелъ это *и*, отвѣтственность за которое онъ тоже словно возлагаетъ на меня своимъ недоумѣніемъ; повторяю, оно есть во всѣхъ редакціяхъ этихъ актовъ. Если мой обличитель не можетъ объяснить этого вслѣдствіе недостатка свѣдѣній по исторіи Свящ. Писанія въ древнѣйшей церкви, то ему незачѣмъ было и возбуждать этотъ вопросъ, а тѣмъ болѣе въ такой неумѣстной формѣ инсинуаціи...

Итакъ въ моей „котомкѣ или ученомъ портфелѣ“, какъ выражается мой антагонистъ, любезно предоставляя мнѣ выборъ между этими словами („если ему болѣе нравится“, стр. 116),—оказались не „acta *falsa*“, какъ онъ рѣшается утверждать, а т е к с т ъ, о т к р ы т ы й е щ е в ъ 1881

году, успѣвшій уже получить широкую извѣстность и вызвавшій въ ту пору къ себѣ всеобщее вниманіе. Мой-же антагонистъ въ своихъ свѣдѣніяхъ по вопросу объ этихъ *Acta* не одолѣлъ даже того, что находилось въ обладаніи науки еще въ 1748 году, къ которому относится изданіе Болландистами IV-го тома *Дѣяній Святыхъ* за мѣсяцъ іюль [1]). Вѣроятно „ученый портфель“ моего антагониста достался ему въ въ наслѣдство отъ какого-нибудь прадѣда. Къ сожалѣнію, въ этотъ „портфель“ не попала замѣтка объ изданномъ еще въ 1723 году Мабильономъ въ его *Vetera Analecta*, Nov. ed., p. 172, фрагментѣ актовъ сцилитанскихъ мучениковъ, представляющемъ гораздо болѣе краткую редакцію, чѣмъ тѣ, какія даны въ *Acta Sanctorum*. Существованіе этого фрагмента, отмѣченное въ IV томѣ *Acta Sanctorum* за іюль на стр. 207, вызывало недовѣріе къ подлинности редакцій Баронія и Кольбертинскаго манускрипта. Недовѣріе это нашло себѣ полное оправданіе въ находкѣ Узенера, сдѣланной въ 1881 году и окончательно подтверждено находками 1890 года, которыя стали мнѣ извѣстны уже послѣ публикаціи моей лекціи. Я охотно подѣлюсь этими свѣдѣніями съ моимъ антагонистомъ, чтобы вызвать въ немъ желаніе освѣжить свой залежавшійся портфель такой почтенной древности.

Кембриджскій ученый, Робинсонъ, нашелъ 30-го августа 1890 года въ библіотекѣ Британскаго Музея въ рукописи IX вѣка полный латинскій текстъ актовъ сцилитанскихъ мучениковъ. Редакція эта совершенно сходится съ той, какая дана въ фрагментѣ Мабильона. Робинсону посчастливилось найти двѣ другія копіи той-же редакціи въ библіотекахъ Парижа и Вѣны. Двѣ послѣднія рукописи принадлежатъ: первая—XIII-му, вторая—XI-му вѣкамъ. Вновь открытый латинскій текстъ представляетъ собою тотъ оригиналъ, переводъ съ котораго, и притомъ нѣсколько распространенный, сталъ извѣстенъ въ 1881 году по рукописи Парижской библіотеки, благодаря проф. Узенеру. Робинсонъ опубликовалъ свое открытіе лѣтомъ 1891 года въ приложеніи ко 2-му выпуску I-го тома издаваемыхъ подъ его редакціей *Texts and Studies* contributions to Biblical and Patristic literature (первый выпускъ этого изданія заключаетъ въ себѣ Апологію

[1]) Мой обличитель, очевидно, не читалъ предисловія (Commentarius praevius) къ актамъ сцилитанскихъ мучениковъ въ IV томѣ Acta Sanctorum за іюль мѣсяцъ, pp. 204—213. Онъ полагаетъ, что существуетъ только три рукописи этихъ актовъ, а въ этомъ предисловіи сообщены свѣдѣнія *еще* о *семи рукописяхъ*, а также и о fragmentum Augiense Мабильона.



Аристида). Я очень сожалѣю, что наша университетская библіотека могла обзавестись этимъ изданіемъ только уже въ началѣ 1892 года. Случись это раньше, я бы имѣлъ возможность сдѣлать переводъ актовъ сцилитанскихъ мучениковъ уже не по греческому переводу, а непосредственно по несомнѣнному древнему латинскому подлиннику. Во всѣхъ вопросахъ и отвѣтахъ онъ сходится съ греческимъ переводомъ, но кое-что выражено въ немъ нѣсколько короче, между прочимъ вопросъ о книгахъ. Приведу это мѣсто, такъ какъ оно представило столь обильную забаву моему антагонисту, а также и для того, чтобы поправить свой переводъ. Saturninus proconsul dixit: Quae sunt res in capsa vestra? Speratus dixit: libri et epistolae Pauli viri iusti. Итакъ, греческій переводчикъ передалъ слова: in capsa vestra черезъ: ἐν τοῖς ὑμετέροις σκεύεσιν. Моя догадка насчетъ *sarcinae*, стало быть, не годится, ибо подъ латинскимъ *capsa* разумѣется обыкновенно круглый, похожій на ведро, ящикъ. Въ такихъ ящикахъ ставили стоймя книги, имѣвшія видъ свертка (volumina), какъ то извѣстно намъ по памятникамъ искусства. Ящикъ этотъ имѣлъ крышку и снабжался ремнями для переноски. Если-бы я переводилъ съ латинскаго оригинала, то сказалъ-бы: „въ вашемъ ящикѣ“; но пришлось-бы непремѣнно прибавить пояснительное примѣчаніе, такъ какъ у насъ ящикъ обыкновенно нѣчто четырехугольное, а *capsa*—круглый предметъ (см. Rich, Dictionnaire des Antiquitées, p. 110, изд. 1883 г.).

Но не „скандалъ“ ли для моего обличителя (употребляю его собственное слово), что онъ, въ виду подлиннаго и несомнѣннаго свѣдѣнія, имѣющагося притомъ во всѣхъ редакціяхъ, касательно наличности книгъ Свящ. Писанія при этомъ допросѣ исповѣдниковъ, позволилъ себѣ по этому поводу длинную тираду, которую и предлагаю желающимъ прочесть на 116-й стр. его писанія? Не вящій-ли скандалъ для него, что запасъ его свѣдѣній по вопросу не восходитъ дальше 1748 года, не содержа въ себѣ даже данныхъ, предваряющихъ эту дату (Mabillon)? И при этомъ скудномъ и обветшавшемъ запасѣ свѣдѣній такой задоръ полемики и незнающая предѣла дерзость нападенія!... И если онъ позволяетъ себѣ сказать, что „мѣсто этого (т. е. моего) знаменитаго точнаго перевода не въ ученомъ трудѣ, а въ скандальной хроникѣ литературы“ (стр. 94), то я, съ своей стороны, выяснивъ вопросъ объ актахъ сцилитанскихъ мучениковъ и освободивъ отъ неумѣстныхъ нападокъ свой переводъ, имѣлъ-бы полное

право отослать въ „скандальную хронику“ произведеніе моего обличителя, хотя оно и появилось на страницахъ ученаго органа Кіевской Духовной Академіи ...

Passio s. Achatii, Евсевій и Ипполитъ.

Продолжая выясненіе вопроса объ источникахъ и моемъ къ нимъ отношеніи, остановлюсь прежде всего на *Passio s. Achatii*. Мой обличитель на стр. 117 позволяетъ себѣ утверждать, будто я не видалъ текста этого памятника, процитованнаго мною по изданію: Ruinart, Acta sincera. Основаніемъ служитъ для него то, что самъ онъ не могъ найти въ имѣвшемся у него подъ руками изданіи Руинара мѣста, соотвѣтствующаго по смыслу моей цитатѣ. Чтобы показать свое знакомство съ этимъ памятникомъ, мой обличитель излагаетъ кстати свое скептическое, на этотъ разъ, мнѣніе о подлинности этихъ актовъ (стр. 118—119). Не входя здѣсь въ совершенно излишній частный вопросъ, я могу помочь ему, процитовавъ данное мѣсто: Ius publicum punit scortatorem, adulterum, furem, corruptorem sexus virilis, maleficum et homicidam. Horum si reus sum, ante vocem tuam iam me ipse condemno: sin vero, eo quod Deus qui est verus colo, ducor ad poenam, non legis, sed iudicis voluntate condemnor.

Предоставляю моему обличителю отыскать это мѣсто въ имѣющемся у него подъ руками изданіи; отъ себя-же по этому поводу замѣчу только одно: независимо отъ вопроса о подлинности или неподлинности этихъ актовъ, въ смыслѣ свидѣтельства объ историческомъ событіи, приведенное изъ нихъ мѣсто имѣетъ свою важность именно въ томъ вопросѣ, для уясненія котораго оно у меня процитовано. Цитату эту я привелъ послѣ слѣдующихъ словъ: „Все дѣло сводится къ усмотрѣнію представителя власти“. (Рѣчь идетъ объ отсутствіи опредѣленныхъ нормъ дознанія и узаконеній относительно размѣра наказанія въ процессѣ противъ христіанъ). Если-бы моему обличителю извѣстна была прекрасная работа Le Blant'a, Les Actes des Martyrs (процитованная мною на стр. 21 въ примѣчаніи 1); то онъ бы зналъ, почему, даже независимо отъ подлинности или неподлинности актовъ, являются сами по себѣ драгоцѣнными историческими свидѣтельствами тѣ или иныя заключенныя въ нихъ утвержденія. Но вѣдь этого изслѣдованія не могло быть въ портфелѣ его прадѣда.

На стр. 123, въ заключеніе длиннаго издѣвательства надъ моимъ

упоминаніемъ о событіи 177 года въ Ліонѣ (шесть первыхъ строкъ на 28-й стр. моей лекціи), обличитель замѣчаетъ: „мы думаемъ, что актовъ Ліонскихъ мучениковъ онъ (т. е. я) не видалъ, почему и поставилъ невѣрный цитатъ: Euseb. h. e. V, 2; слѣдуетъ V, 1". Здѣсь онъ выдалъ опять самымъ очевиднымъ образомъ прародительскій характеръ своего „портфеля". Дѣло въ томъ, что въ современныхъ изданіяхъ церковной исторіи Евсевія, какъ и въ имѣющемся у меня подъ руками изданіи H. Laemmer'a, Schaphusiae. 1862,—пятая книга начинается съ первой главы, а глава 2-я, непомѣрно длинная по сравненію съ сосѣдними, подраздѣленная на 63 параграфа, содержитъ въ себѣ посланіе Ліонской и Вьеннской церквей къ церквамъ Азіи и Фригіи, въ которомъ изложено повѣствованіе о событіяхъ 177 года въ Ліонѣ. Въ старыхъ-же изданіяхъ Евсевія пятая книга, въ противоположность всѣмъ остальнымъ девяти, начиналась съ введенія, и первой главой приходилась вторая изданій современныхъ, т. е. посланіе, внесенное Евсевіемъ цѣликомъ въ свое изложеніе. Въ нашей университетской библіотекѣ не имѣется старыхъ изданій этого сочиненія Евсевія, но есть, напр., французскій переводъ Кузена (Cousin), изданный въ Парижѣ въ 1675 году. Въ немъ нынѣшняя первая глава носитъ особое заглавіе: Préface, и счетъ начинается съ посланія. Мой уважаемый товарищъ, Н. П. Дашкевичъ, обратилъ мое вниманіе на то, что имѣется и русскій переводъ Евсевія, изданный въ журналѣ „Христіанское чтеніе" за 1848 годъ. Разыскавъ майскую книжку этого журнала за названный годъ, я увидѣлъ тамъ тоже самое дѣленіе: сначала „Предисловіе", затѣмъ посланіе въ видѣ первой главы. Въ предисловіи къ переводу, январьская книжка, стр. XIV, пояснено, что русскій переводъ „предпочтительно слѣдуетъ изданію Валезія, вышедшему въ Кембриджѣ въ 1720 году". Итакъ, то обстоятельство, что мой обличитель пользуется самъ изданіями прошлыхъ столѣтій, а быть можетъ русскимъ переводомъ 40-хъ годовъ, даетъ ему смѣлость отрицать мое знакомство съ текстомъ Евсевія, такъ какъ ссылки его прадѣда не сходятся съ моими. Полагаю, что послѣднее нисколько неудивительно. Но его претензіи по меньшей мѣрѣ странны ..

Помимо этого неудовольствія на смутившую моего обличителя цитату, ему болѣе чѣмъ не нравится и самое мое изложеніе о событіи 177 года. Вотъ все, что сказано у меня на 28 стр.—„Самымъ

крупнымъ событіемъ, и притомъ хорошо намъ извѣстнымъ, въ этомъ родѣ было волненіе, имѣвшее мѣсто въ Ліонѣ въ 177 году. Тамъ разыгрался въ отсутствіе намѣстника цѣлый бунтъ. Преслѣдуемыхъ народной яростью христіанъ спасла отъ смерти военная сила, прекратившая своимъ вмѣшательствомъ эту травлю. Прибывшій на мѣсто императорскій легатъ судилъ и казнилъ христіанъ (Euseb. h. e. V, 2)".— Мой обличитель не излагаетъ того, какъ самъ онъ, въ роли историка, представляетъ себѣ это событіе. Онъ только негодуетъ по поводу моего изложенія и, останавливаясь на подробностяхъ этой ужасной сцены, приводитъ въ отрывкахъ изъ Евсевія нѣкоторыя данныя (стр. 119—122). Подробности эти, однако, нисколько не противорѣчатъ тому общему представленію о событіи съ государственной точки зрѣнія, какъ я его изложилъ. Остановлю его вниманіе на одной изъ этихъ подробностей, которую привелъ и онъ самъ (стр. 120), но не понялъ, повидимому, ея значенія. Разумѣю параграфъ 14-й, упоминаніе о рабахъ христіанъ. Рабы показали на допросѣ, будто христіане дѣйствительно совершаютъ разныя приписываемыя имъ народной молвой гнусности (Θυέστεια δεῖπτα καὶ Οἰδιποδείους μίξεις, καὶ ὅσα μήτε λαλεῖν μήτε νοεῖν θέμις ἡμῖν). Несправедливость этого показанія, для насъ несомнѣнная, не была вѣдь такой для фанатизированной черни, а также и для представителя власти. Достаточно напомнить, что просвѣщенный и гуманный учитель имп. Марка Аврелія, риторъ Фронтонъ, самъ повторялъ эти обвиненія въ своихъ писаніяхъ. Въ данномъ случаѣ были, такимъ образомъ, въ глазахъ представителя власти на лицо уже не nomen ipsum, скажемъ словами Плинія, а flagitia cohaerentia nomini. И сами христіанскіе мученики понимали значеніе этого: одинъ изъ страдальцевъ, Атталъ, среди мученій сказалъ, обращаясь къ толпѣ: „вотъ это значитъ ѣсть людей, то, что вы дѣлаете; а мы не ѣдимъ лю-

[1]) Странную судьбу имѣло это обвиненіе въ ядени человѣческаго мяса и свальномъ грѣхѣ. Апологетъ Юстинъ—Apol. I, 26, 7—не считаетъ невозможнымъ существованіе этихъ преступленій у нѣкоторыхъ еретиковъ. Вотъ его слова. Εἰ δὲ καὶ τὰ δύσφημα ἐκεῖνα μυθολογούμενα ἔργα πράττουσι, λυχνίας μὲν ἀνατροπὴν καὶ τὰς ἀνέδην μίξεις καὶ ἀνθρωπείων σαρκῶν βοράς, οὐ γινώσκομεν· ἀλλ' ὅτι μὴ διώκονται μηδὲ φονεύονται ὑφ' ὑμων, κἂν διὰ τὰ δόγματα, ἐπιστάμεθα. (Цитую Юстина по изд. Kruger'a. Freiburg. 1891). Позднѣе подобныя обвиненія воздвигались самими христіанами противъ еретиковъ. Вмѣсто того, чтобы приводить имѣющіяся у меня въ рукахъ цитаты, я на этотъ разъ предпочту сослаться на книгу, хорошо извѣстную моему обличителю уже давно, а мнѣ—лишь съ недавняго времени: Aubé, Hist. d pers. I, p. 259 (изд. 1875 г.).

дей и не творимъ никакого другаго зла“ (§ 52). Въ моемъ краткомъ упоминаніи о событіи 177 г. я вовсе не задавался цѣлью потрясать нервы слушателей картиной дикой кровавой казни, какъ я не излагалъ подробно и о растерзаніи Гипатіи; но помянуть кратко объ этихъ событіяхъ мнѣ пришлось въ связи съ общей исторической картиной, которую я хотѣлъ дать въ своей лекціи. Чѣмъ я погрѣшилъ въ обоихъ случаяхъ противъ требованій историческаго изложенія, мнѣ остается непонятнымъ.

Перехожу къ Ипполиту. Въ началѣ 12-й главы IX-й книги сочиненія *Refutatio omnium haeresium* (изданіе Duncker'a и Schneidewin'a, Gottingae. 1859) Ипполитъ разсказываетъ исторію Каллиста, бывшаго впослѣдствіи римскимъ папой. Изъ этого повѣствованія я заимствовалъ всего лишь одну подробность, а именно свидѣтельство о тѣлесномъ наказаніи и ссылкѣ въ Сардинію, которымъ былъ подвергнутъ Каллистъ градоначальникомъ Рима за безпорядокъ, произведенный имъ въ римской синагогѣ. Мой антагонистъ подробно разсказываетъ весь этотъ эпизодъ (стр. 171 и слѣд.), вводя въ него свои догадки о вѣроятномъ и невѣроятномъ, и толкуетъ процессъ предъ градоначальникомъ на свой ладъ. Онъ полагаетъ, что Каллистъ былъ наказанъ за христіанство.—„Не „нарушителя общественнаго порядка и благочинія“, говоритъ онъ, покарала римская власть въ Каллистѣ, она не входила въ обсужденіе „мотивовъ и цѣлей“, по которымъ Іудеи обвинили Каллиста въ христіанствѣ; она ограничилась констатированьемъ факта, что онъ христіанинъ; и такъ какъ возбуждено было сомнѣніе въ дѣйствительности этого факта, то префектъ, sedens pro tribunali, произвелъ судебное разслѣдованіе показаній сторонъ и отослалъ туда, гдѣ уже находились „другіе мученики“, христіанина, какъ такого“ (стр. 174 и сл.).—Такъ хочетъ представить дѣло мой обличитель. Но это произошло, вѣроятно, потому, что онъ не дочиталъ повѣствованія Ипполита до конца. Изъ дальнѣйшаго явствуетъ, что когда римская церковь получила возможность освободить своихъ исповѣдниковъ, томившихся въ рудникахъ Сардиніи, и былъ туда посланъ пресвитеръ со спискомъ именъ, то имени Каллиста въ немъ не было; и когда Каллистъ просьбами и слезами достигъ освобожденія вмѣстѣ съ исповѣдниками, то папа Викторъ былъ этимъ недоволенъ и лишь изъ снисхожденія не обнаружилъ дѣла и отослалъ Каллиста изъ Рима въ Анціумъ.—Весь разсказъ Ипполита къ тому направленъ, чтобы до-

казать, что Каллистъ былъ всегда преступный и дурной человѣкъ, что исповѣдникомъ христіанства онъ никогда не былъ, а только ложно приписывалъ себѣ эту славу. Разсказъ этотъ и введенъ саркастическимъ замѣчаніемъ: ὁ δὲ τρόπος τῆς αὐτοῦ μαρτυρίας τοιόσδε ἦν. Правъ-ли Ипполитъ въ своемъ сужденіи о Каллистѣ, или нѣтъ, объ этомъ возможны различныя мнѣнія; но извлекать изъ Ипполита свидѣтельство въ пользу того, что именно онъ опровергаетъ самымъ положительнымъ образомъ, противъ чего даже направленъ самый его разсказъ,—дѣло вполнѣ непозволительное. Поступать такъ—значитъ произвольно искажать историческія свидѣтельства, фальсифицировать источники. Прибавлю, что и то мѣсто разсказа, которое такъ „истолковано“ моимъ обличителемъ, вовсе не нуждается въ какомъ-либо ухищренномъ пониманіи. Жалоба Іудеевъ такова: Ῥωμαῖοι συνεχώρησαν ἡμῖν τοὺς πατρῴους νόμους δημοσίᾳ ἀναγινώσκειν, οὗτος δὲ ἐπεισελθὼν ἐκώλυε καταστασιάζων ἡμῶν, φάσκων εἶναι χριστιανός. Карпоферъ, хозяинъ Каллиста, явившійся къ трибуналу по вызову префекта, утверждалъ, что его рабъ не христіанинъ, а что онъ, находясь въ крайности, ищетъ смерти (ἀφορμὴν ζητεῖ θανάτου). Іудеи увидѣли въ этомъ заявленіи Карпофора уловку и настойчиво взывали къ префекту. Ὁ δὲ κινηθεὶς ὑπ' αὐτῶν, μαστιγώσας αὐτὸν ἔδωκεν εἰς μέταλλον Σαρδονίας, т. е. подвигнутый ими, онъ (префектъ), подвернувъ его (Каллиста) тѣлесному наказанію, сослалъ въ сардинскіе рудники“. Полагаю, что дѣло ясно: Іудеи обвиняли Каллиста въ нарушеніи разрѣшеннаго имъ субботняго молитвеннаго собранія, и вмѣстѣ съ тѣмъ они сообщили префекту, что Каллистъ, по собственному сознанію, христіанинъ. Пунктъ о христіанствѣ Каллиста былъ устраненъ изъ разсмотрѣнія даннаго случая послѣ заявленія Карпофора; но проступокъ Каллиста остался на лицо; Іудеи настаивали на своей жалобѣ, и префектъ наказалъ виновнаго. Таковъ прямой и ясный смыслъ подлинника Съ такимъ пониманіемъ мѣста сходится и дальнѣйшее повѣствованіе объ освобожденіи Каллиста изъ заточенія.

Ипполитъ отрицаетъ исповѣдничество Каллиста и право его на имя мученика за вѣру; а мой антагонистъ, на основаніи того-же самаго Ипполита, тщится придать ему этотъ ореолъ. Напрасно также мой обличитель на стр. 174-й во фразѣ: „Каллистъ былъ сосланъ въ сардинскіе рудники, гдѣ въ то время изнемогали въ каторжной работѣ *и другіе мученики*“(к. п.)—примѣнилъ курсивъ къ тремъ послѣд-

нимъ словамъ. Въ оригиналѣ читаемъ: Μετὰ χρόνον δὲ ἑτέρων ἐκεῖ ὄντων μαρτύρων... Ипполитъ въ этой фразѣ противополагаетъ Каллиста мученикамъ, а никакъ не включаетъ его въ ихъ число.

Въ заключеніе этого изложенія отмѣчу, что мой обличитель рѣзко порицаетъ меня за употребленное мною выраженіе: „наказавъ розгами“ для пересказа греческаго причастія μαστιγώσας, которое онъ самъ передаетъ словомъ: „бичевавши“. Такъ какъ латинское flagellum (μάστιξ) не есть ни розги, ни бичъ, а скорѣе всего плеть, то правильнѣе будетъ передать прич. μαστιγώσας словами: „подвергнувъ тѣлесному наказанію“. Противъ замѣчанія о неточности моей передачи независимо отъ вопроса объ умѣстности его рѣзкой формы (стр. 67), я, конечно, ничего не имѣю и охотно его принимаю.

Нероновы казни 64 года.

О Нероновыхъ казняхъ 64 года въ Римѣ изложено у меня на стр. 13-15. Придерживаясь нашего главнаго источника объ этомъ событіи, Тацита, Ann. XV 44, я утверждалъ, что оно имѣло мѣстный характеръ, т. е. не выходило за предѣлы города Рима. По контексту моей лекціи въ дальнѣйшемъ изложеніи, на стр. 24, я помянулъ, какъ о возможномъ, что именно Іудеи указали Нерону на христіанъ. Объ общемъ характерѣ этого событія у меня сказано слѣдующее: „Первые христіанскіе мученики въ Римѣ пострадали по простой случайности. Не за вѣру привлекли ихъ къ отвѣтственности, не за вѣру ихъ казнили, не ее хотѣли уяснить процессомъ, въ которомъ ихъ допрашивали и осудили. Самая форма казни, которой ихъ подвергли, не была предусмотрѣна никакимъ закономъ и опредѣленіемъ: то былъ простой произволъ верховной власти“. Мой обличитель въ существѣ дѣла со мною согласенъ, и даже отчасти повторяетъ мои слова, когда онъ, на стр. 57, говоритъ такъ: „Было ли безпристрастное разслѣдованіе дѣла? Конечно нѣтъ!“—„былъ ли изданъ въ это время Нерономъ противъ христіанъ формальный письменный указъ? Нѣкоторые древніе христіанскіе писатели говорятъ: да! Мы согласно съ новыми полагаемъ, какъ и г. Кулаковскій, что нѣтъ“.—и далѣе, на 58 стр.—„Было ли глумливое истребленіе христіанъ въ Римѣ въ собственномъ смыслѣ первымъ „римскимъ“ гоненіемъ, то есть, во имя религіозныхъ, національныхъ, государственныхъ интересовъ Рима, *proprio motu* (к. п.)

возбужденное Римомъ, и *сознательно* (к. п.) веденное римской властью государственною? Древніе христіанскіе апологеты отвѣчали: да! Мы, на основаніи всего вышеизложеннаго, позволяемъ себѣ на поставленный сейчасъ вопросъ отвѣтить: нѣтъ!" — Итакъ, повидимому, нѣтъ между нами разногласія. Тѣмъ не менѣе все изложеніе моего антагониста о Нероновыхъ казняхъ, стр. 50—60, есть возраженіе и рѣзкая полемика. Ему не нравится мое замѣчаніе о случайности этого событія. Онъ утверждаетъ на стр. 56, что „ненависть (противъ христіанъ), возбуждаемая настойчиво распространяемыми слухами о постыдныхъ дѣлахъ и преступныхъ желаніяхъ и стремленіяхъ членовъ новаго общества, быстро возрастала". — (Желательно было-бы знать, въ какихъ источникахъ нашелъ онъ свидѣтельство для этого именно времени?)—Далѣе онъ восклицаетъ: „Нѣтъ, не христіане случайно привлечены были для утоленія ярости народной, а, напротивъ, самый пожаръ былъ случаемъ, который произвелъ уже достаточно подготовленный, и потому неизбѣжный, взрывъ накопившейся въ народѣ ненависти къ таинственнымъ людямъ". — „Было-ли это страшное избіеніе христіанъ — *за вѣру* (к. п.)? Г. Кулаковскій отвѣчаетъ: нѣтъ! Мы говоримъ: да! Христіанъ хватали и казнили, какъ людей ob flagitia invisos; какъ людей, которые haud perinde in crimine incendii, quam odio humani generis convicti sunt". — Такимъ образомъ, мы доходимъ до Тацита. Замѣчу прежде всего, что у Тацита не сказано, будто христіанъ хватали и казнили, какъ людей ob flagitia invisos; а вотъ какъ: quos per (а не *ob*) flagitia invisos vulgus Christianos appellabat. Это утвержденіе Тацита есть очевидный анахронизмъ ибо въ ту пору имя Христіанинъ не было извѣстно римской черни [1]). Что до слѣдующей фразы, въ которой читается proinde, а не perinde, то она не имѣетъ того смысла, какой придаетъ ей въ своемъ дальнѣйшемъ истолкованіи мой антагонистъ. У него значится, на стр. 57: „Словомъ, не за пожаръ (не столько за пожаръ) казнили, христіанъ, а за ихъ культъ, жизнь, идеи, за ихъ вѣру. И притомъ прямо исповѣданную. Казнили всѣхъ, говоритъ Тацитъ, qui fatebantur, признавались, конечно, не въ зажигательствѣ, а въ томъ, что они дѣйствительно тѣ, которымъ приписывается все это гнусное и ненавистное, т. е. въ виду опасности, безстрашно исповѣдывали свою вѣру христіанскую".

[1]) Schiller, Ein Problem der Tacituserklarung.

Мнѣ незачѣмъ отъ себя возражать на это неправильное, противорѣчащее грамматикѣ и стилистикѣ, толкованіе словъ Тацита. Всякому, привыкшему читать латинскихъ авторовъ и не чуждому знакомства съ Тацитомъ, ясно, что во фразѣ: igitur primum correpti, qui fatebantur, къ послѣднему глаголу слѣдуетъ дополнить не—se Christianos esse, какъ представляетъ смыслъ этой фразы мой антагонистъ, а—crimen, или incendium. Такимъ образомъ, Тацитъ свидѣтельствуетъ, что первыми были схвачены тѣ, которые сознавались въ преступленіи, т. е. въ данномъ случаѣ—поджогѣ; а затѣмъ, по ихъ показаніямъ (indicio eorum), было уличено великое множество другихъ, не столько впрочемъ въ поджогѣ, сколько въ ненависти къ человѣческому роду. Таково единственно возможное для филолога, а стало быть и для историка, толкованіе этого мѣста. Лѣтъ 15 тому назадъ это мѣсто Тацитова текста было предметомъ литературнаго спора въ средѣ германскихъ ученыхъ. Я не дивлюсь, что въ портфелѣ моего антагониста не оказалось свѣдѣній на этотъ счетъ, и охотно предоставляю ему слѣдующую справку: Historische Zeitschrift, 1874, т. 32, стр. 1 и слѣд.: Holtzmann, Nero und die Christen, и въ томъ-же томѣ стр. 340, рецензія Nessen'a на сочиненіе Schiller'a, Geschichte des römischen Kaiserreiches unter der Regierung des Nero; H. Schiller, Ein Problem der Tacituserklärung, въ изданіи: Commentationes in honorem Mommseni. Berlin. 1877, стр. 41—47. Въ этой послѣдней статьѣ съ полной убѣдительностью доказана на основаніи самого-же Тацита необходимость понимать данное мѣсто въ указанномъ выше смыслѣ [1]).

Мнѣ остается упомянуть еще о томъ, что мой обличитель гораздо строже и рѣшительнѣе высказывается на счетъ виновности Іудеевъ въ кровавыхъ казняхъ 64 года, чѣмъ какъ сдѣлалъ это я. „Избіеніе христіанъ Нерономъ—говоритъ онъ на стр. 58—было не *первое* (к. п.) „Римское" гоненіе, а—*послѣднее* (к. п) іудейское, но орудіемъ закона римскаго, рукою власти и народа римскаго". Въ дальнѣйшемъ разсужденіи по этому поводу онъ ссылается на Апокалипсисъ, причемъ говоритъ объ ап. Іоаннѣ такъ: „современникъ и, можетъ быть,

[1]) Вопросъ о толкованіи этого мѣста былъ подымаемъ и въ русской ученой литературѣ, хотя и не въ видѣ спеціальной статьи, для чего впрочемъ, послѣ работы Шиллера, нѣтъ никакой надобности Разумѣю замѣчанія одного изъ нашихъ авторитетныхъ классиковъ, проф Зѣлинскаго, въ рецензіи на переводъ Тацита, изданный проф. Модестовымъ. Помѣщена была эта рецензія въ „Филологическихъ Запискахъ" за 1890 годъ. Въ отдѣльномъ оттискѣ данное мѣсто приходится на стр. 36.

жертва—очевидецъ ужасовъ избіенія христіанъ Нерономъ" (стр. 60). Нисколько не претендуя на знакомство со всей обширной ученой литературой новѣйшаго времени объ Апокалипсисѣ, я долженъ однако указать моему антагонисту, что признаваемый имъ авторитетъ, Момзенъ, въ изложеніи о судьбѣ Іудеевъ въ римской имперіи—Römische Geschichte, B. V, въ прим. на стр. 520 и слѣд.—высказалъ не мало вѣскихъ возраженій на представленіе о ближайшей связи Апокалипсиса съ Нероновыми казнями. Дальнѣйшая разработка этихъ мыслей дана была въ изданіи Гебгардта и Гарнака. Въ числѣ другихъ соображеній Моммзенъ приводитъ и слѣдующее: христіанство въ Апокалипсисѣ есть іудейская секта; христіане суть—избранные отъ 12 колѣнъ Израиля; авторъ Апокалипсиса не противопоставляетъ христіанъ Іудеямъ, у него нѣтъ вовсе сознанія своей полной особности, а тѣмъ менѣе какой-либо враждебности къ Іудеямъ.—Противъ послѣдняго не будетъ возражать мой обличитель. Если-же это такъ, и Апокалипсисъ, по его утвержденію, есть произведеніе свидѣтеля и, быть можетъ, жертвы Нерона, то не оказывается-ли тутъ противорѣчія между моимъ обличителемъ и приводимымъ имъ-же самимъ свидѣтелемъ? На основаніи Апокалипсиса явится возможность доказывать непричастность Іудеевъ въ Нероновыхъ казняхъ, ибо эти казни даже въ самыхъ жертвахъ ихъ не вызвали сознанія особности христіанъ отъ Іудеевъ. Доказать непреложно виновность Іудеевъ прямымъ свидѣтельствомъ источниковъ нельзя. Но на счетъ ея вѣроятности врядъли возможно сомнѣніе. Поэтому то я и высказался такъ осторожно и сослался при этомъ на одно примѣчаніе Ренана въ его IV томѣ. Ренанъ пытается найти подтвержденіе указанной вѣроятности въ источникахъ, толкуя въ опредѣленномъ смыслѣ нѣкоторыя мѣста *Перваго посланія Климента къ Коринѳянамъ* и *Посланія къ Діогнету*. Мой-же обличитель мнитъ, что для его гораздо болѣе рѣшительнаго и рѣзкаго сужденія достаточно однихъ его общихъ разсужденій [1]) и указаній на предшествующіе факты, отмѣченные въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ. Полагаю, что историкъ долженъ имѣть въ рукахъ опредѣленныя и ясныя свидѣтельства для опредѣленныхъ и недопускающихъ сомнѣнія утвержденій.

[1]) Приведу для примѣра слѣдующее: „Но еще шире шла антихристіанская работа іудейства среди общества римскаго, особенно въ низшихъ сферахъ народныхъ, гдѣ христіанство главнымъ образомъ нашло себѣ многочисленныхъ послѣдователей. Палестинскіе и малоазійскіе іудеи враги Павла, прибывшіе въ Римъ, для участія въ процессѣ на судѣ кесаря, принесли всю накопившуюся противъ Павла ненависть, весь запасъ клеветы,

Переписка Плинія Мл. съ имп. Траяномъ.

Съ большимъ и непонятнымъ мнѣ задоромъ и озлобленіемъ останавливается мой обличитель на моемъ изложеніи эпизода 112 года, перепискѣ Плинія Младшаго съ имп. Траяномъ, стр. 63—92. Онъ много инсинуируетъ, глумится, разсуждаетъ отъ разума своего, дѣлаетъ патетическія отступленія, заходитъ въ юриспруденцію и выясненіе общаго вопроса о положеніи христіанъ въ римской имперіи, причемъ позволяетъ себѣ не мало произвольныхъ утвержденій и впадаетъ въ погрѣшности. Нигдѣ на пространствѣ этой непомѣрно длинной полемики не формулируетъ онъ, въ чемъ онъ находитъ у меня неточность или превратность въ изложеніи этого эпизода по главному нашему источнику, т. е. письмамъ Плинія и Траяна. Такимъ образомъ, я могу вмѣсто всякаго отвѣта предложить ему прочесть еще разъ источникъ и сличить съ моимъ изложеніемъ. Быть можетъ теперь, уже освободившись отъ аффекта, въ которомъ онъ, по собственному сознанію, находился во время писанія своей полемики, онъ будетъ въ состояніи лучше понять и подлинникъ, и мое изложеніе, не выходящее ни одной чертой изъ его предѣловъ. Обличитель негодуетъ, и пространно притомъ, на мою краткость, говоритъ о какой-то „заминкѣ“ (стр. 68), приплетаетъ сюда ни въ чемъ неповиннаго Aubé. Признаюсь, я не понимаю моего обличителя. Кратокъ я былъ потому, что событіе 112 года было для меня эпизодомъ въ цѣльномъ изложеніи избраннаго мною вопроса. Не распространилъ своей лекціи въ этомъ мѣстѣ при ея напечатаніи, такъ какъ я раньше провѣрилъ и продумалъ каждое слово и каждую фразу моего изложенія, и не видѣлъ поэтому никакой причины отступать отъ текста, какъ онъ былъ приготовленъ и какъ я его произнесъ 8 декабря 1891 года. Если моя краткость не нравится моему антагонисту, то я съ своей стороны замѣчу, что считаю это качество большимъ достоинствомъ всякаго изложенія, а въ особенности историческаго, тѣмъ болѣе что въ этого рода литературѣ краткость часто не въ обычаѣ, и еще древній Ювеналъ сѣтовалъ на эту тему (Sat. VII, 100). Какъ не удобно имѣть дѣло съ писателями, любящими изъясняться пространно и даже протяженно, это я живѣйшимъ об-

сплетенъ, гнусныхъ выдумокъ, собранныхъ на востокѣ, и пустили въ ходъ среди римскаго населенія“ (стр. 54).—Свободныя измышленія въ такомъ родѣ считаетъ мой обличитель равносильными свидѣтельствамъ первоисточниковъ.

разомъ испытываю теперь, когда мнѣ приходится отвѣчать на произведеніе моего антагониста.

Среди хаоса произвольныхъ утвержденій и ни на чемъ не основанныхъ порицаній, я усматриваю только въ одномъ мѣстѣ, а именно на стр. 75, нѣчто опредѣленное, на что мнѣ и не трудно дать отвѣтъ. Мой обличитель пишетъ: „Впрочемъ и самъ г. Кулаковскій по своей, достаточно обнаруженной въ трактатѣ, нелюбви къ логической послѣдовательности, забылъ, что на 17-й стр. онъ въ двухъ словахъ убилъ рескриптъ Траяна; и на 19-й стр. уже придаетъ ему общегосударственное значеніе; личный отвѣтъ—personale rescriptum—уже является „общей нормой для представителей власти", опредѣляющей отношеніе римскаго государства къ христіанству почти до половины III вѣка". Юристы—романисты знаютъ, что „personale rescriptum" и „общая норма"—одно съ другимъ не вяжется...." Въ примѣчаніи къ этому мѣсту приведены ссылки на Виллемса (въ русскомъ переводѣ) и Пухту. Далѣе, мой обличитель съ новой строки продолжаетъ такъ: „Отъ формальнаго юридическаго значенія рескрипта Траянова обращаемся къ его матерьяльному содержанію. Г. Кулаковскій полагаетъ, что въ рескриптѣ установленъ только *принципъ*" (к. п.).—Въ примѣчаніи къ этому мѣсту поясняется будто я „перифразировалъ Aubé" и притомъ „неудачно": „Aubé замѣчаетъ, что Траянъ осудилъ христіанъ en principe; а онъ (т. е. я) говоритъ объ обереганіи традиціонныхъ формъ богопочитанія въ принципѣ, о чемъ вовсе нѣтъ рѣчи въ рескриптѣ".

Оставляя въ сторонѣ ни въ чемъ неповиннаго Aubé, къ которому я не имѣлъ никакого отношенія, я могу сказать одно, что въ своихъ утвержденіяхъ я не усматриваю ни малѣйшаго противорѣчія Съ одной стороны письмо Траяна есть несомнѣнно „личный отвѣтъ императора одному изъ намѣстниковъ", какъ сказано у меня на стр. 17-й, съ другой—совершенно вѣрно и то, что сказано у меня на 19 стр., а именно: „Рескриптомъ Траяна дана была лишь общая норма для представителей власти, если они будутъ вовлекаемы въ подобныя дѣла, возбужденіе которыхъ принадлежитъ непосредственно и исключительно членамъ общества. Съ тѣхъ поръ и почти до половины III-го вѣка длится такое именно отношеніе къ христіанству римскаго государства".

Такъ какъ мой обличитель ссылается на Виллемса, то и я отвѣчу

ему ссылкой на тотъ-же учебникъ древностей. Предпочитаю французскій оригиналъ, такъ какъ изданный въ Кіевѣ русскій переводъ, въ особенности въ своей первой половинѣ, вышелъ не совсѣмъ удаченъ, о чемъ я писалъ въ свое время въ нашихъ Извѣстіяхъ [1]).—„*Rescriptum* est une réponse, soit à des questions ou des suppliques, présentées à l'empereur par des particuliers *(libelli)*, soit à des questions posées par des fonctionnaires (*consultationes*). Ces *rescripta* sont importants, parce qu' il faut s'y conformer en des cas analogues". Willems, Le droit public romain, cinqu. éd. Louvain—Paris. 1883. p. 432 [2]).

Полагаю, что этимъ текстомъ Виллемса, въ которомъ лишь утверждается общепринятое положеніе, снята будетъ съ меня всякая тѣнь непослѣдовательности или противорѣчія, каковое, по словамъ обличителя, допущено здѣсь мною. Вѣроятно, мой обличитель, впервые для этой полемики знакомясь съ книгой Виллемса, не дочиталъ ее до этого мѣста, которое придется на 494 стр. русскаго перевода. Очень жалѣю, что это обстоятельство было причиной, утрудившей его писаніемъ нѣсколькихъ лишнихъ страницъ.

Что-же касается до высказаннаго мною на стр. 19-й утвержденія, а именно: „Государство признаетъ себя обязаннымъ оберегать традиціонныя формы богопочитанія, но лишь въ принципѣ",—о чемъ, по утвержденію моего обличителя „вовсе нѣтъ рѣчи въ рескриптѣ" (стр. 75, прим.), то пусть говоритъ самъ Траянъ: „conquirendi non sunt; si deferantur et arguantur, puniendi sunt, ita tamen ut qui negaverit se Chistianum esse idque re ipsa manifestum fecerit, id est supplicando diis nostris, quamvis suspectus in praeteritum, veniam ex poenitentia impetret. Plin. Ep. ad Tr. imp. 97,2.—Этотъ подлинный текстъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что мое утвержденіе правильно. Возбраняя розыскивать христіанъ, отвергающихъ культъ боговъ, императоръ приказываетъ въ каждомъ данномъ случаѣ, когда процессъ вчиненъ обвинителемъ со стороны, требовать отъ обвиняемаго фактическаго удостовѣренія въ томъ, что онъ почитаетъ боговъ, и, удостовѣрившись, отпускать безъ наказанія за прошлое отрицаніе. Судя по этому возраженію, можно было-бы подумать, что мой обличитель даже не читалъ подлиннаго текста письма Траяна, а возражаетъ и здѣсь отъ разума своего. Но нѣтъ, онъ читалъ этотъ текстъ, потому что въ другомъ мѣстѣ своего обличенія, а именно на стр. 87-й,

[1]) Кіев. Унив. Изв. 1888. Ноябрь.

[2]) Полнѣе тоже самое изложено у Моммзена, Rom. Staatsrecht. II, p. 874 (2 изд.)

онъ говоритъ объ этой сторонѣ содержанія Траянова рескрипта въ выраженіяхъ гораздо болѣе сильныхъ, чѣмъ мои. Вотъ это мѣсто: „между императоромъ и его намѣстникомъ рѣчь идетъ объ ограниченіи этой пропаганды, объ укрѣпленіи культа боговъ, потому что древняя религія есть *существенный факторъ* (к. п.) въ сферѣ государственной политики Рима". Итакъ, что-же: говорится въ рескриптѣ о религіи, или нѣтъ? и въ чемъ моя ошибка? Не противъ себя-ли сталъ полемизировать мой обличитель въ своемъ увлеченіи?

На этомъ я могу покончить свои отвѣтныя замѣчанія касательно отношенія моего собственнаго и моего антагониста къ источникамъ Эти послѣдніе ему извѣстны больше по наслѣдству отъ давняго прошлаго, обращаться-же съ ними онъ привыкъ произвольно, толкуя текстъ въ каждомъ данномъ случаѣ такъ, какъ это ему нужно, давая просторъ своимъ предвзятымъ мыслямъ или унаслѣдованнымъ положеніямъ. Объ этихъ унаслѣдованныхъ положеніяхъ, а равно и ошибкахъ моего обличителя я скажу въ дальнѣйшемъ. Но предварительно мнѣ необходимо еще остановиться на одномъ частномъ вопросѣ, который подвигъ моего обличителя на большой трудъ.

Статья Моммзена „О преступленіи противъ религіи по римскому праву".

На статью моего учителя подъ приведеннымъ выше заглавіемъ, напечатанную въ журналѣ Historische Zeitschrift за 1890-й годъ, я сослался въ изложеніи объ общемъ характерѣ процесса противъ христіанъ и притомъ указалъ на опредѣленное мѣсто въ этой статьѣ. Мой обличитель понялъ мою ссылку такъ, что разъ я ссылаюсь на Моммзена, то и обязанъ быть не только солидаренъ со всѣмъ тѣмъ, что высказано въ этой статьѣ, но даже iurare in verba magistri. Очевидно, онъ не различаетъ понятій и терминовъ: источникъ и пособіе, источникъ и ученая литература. Эти тожественныя для него понятія и факты далеко не тожественны для меня. Но я далекъ отъ мысли ставить ему это въ упрекъ: при посредственномъ уровнѣ научныхъ познаній и отсутствіи выработаннаго въ хорошей школѣ научнаго метода это смѣшеніе, увы, простительно. Я даже готовъ сдѣлать ему уступку и признать себя солидарнымъ съ мыслями Моммзена во всемъ объемѣ его изложенія „О преступленіи противъ религіи по римскому праву".

Мой обличитель восклицаетъ на стр. 125-й, не безъ предвкушаемаго торжества побѣды, слѣдующее: — „Но знаетъ-ли г. Кулаковскій, что онъ въ настоящемъ дѣлѣ призвалъ Моммсена во свидѣтели не *за* себя, а *противъ* (к. п.) себя?— — не желаемъ также заподозривать, что онъ сознательно извратилъ сужденіе Моммсена и сдѣлалъ ссылку на то, что не даетъ ему поддержки, а полагаемъ, что онъ, пробѣжавши статью, не понялъ ея, не далъ себѣ отчета въ томъ, чѣмъ захотѣлъ воспользоваться, на что вздумалъ сослаться".

Для доказательства этого своего утвержденія, будто я не понялъ статьи Моммзена, обличитель мой беретъ на себя трудъ просвѣтить на этотъ счетъ меня и другихъ. Онъ представляетъ на стр. 125—148 свой переводъ статьи, со многими впрочемъ пропусками, очевидно тѣхъ мѣстъ, которыя считаетъ несущественными, подводитъ затѣмъ въ 14 пунктахъ заключительные выводы, самостоятельно резюмируя мысли Моммзена, предлагаетъ нѣсколько поясненій и поправокъ къ его разсужденіямъ, стр. 151 — 156, и въ заключеніе, стр. 157—163, опять обращается ко мнѣ, съ глумленіемъ выставляя на видъ мое мнимое противорѣчіе Моммзену. Изощряя свое остроуміе и впадая въ игривый тонъ, онъ заканчиваетъ такъ: „Пусть не сѣтуетъ на насъ г. Кулаковскій за правду: онъ поступилъ съ Моммсеномъ, какъ настоящій опереточный мастеръ, въ мастерской котораго сюжетъ серьезнаго opus перерабатывается въ балаганную опера-буффъ. Не для нашихъ читателей и вообще не для людей серьезныхъ, а для г. Кулаковскаго, которому понятнѣе языкъ оперетки, скажемъ, что ученый, серьезный Моммсенъ въ его передѣлкѣ вышелъ опереточнымъ „*Моммсенъ на изнанку*" (к. п.).

Предоставляю судить читателю, въ какой степени умѣстна такая вульгарная игривость тона на страницахъ духовнаго журнала, а лицамъ, болѣе меня свѣдущимъ въ опереткѣ, сравнивать съ нею какъ мое изложеніе, если это возможно, такъ и изложеніе моего обличителя. Самъ-же я считаю все это глумленіе ко мнѣ не относящимся въ виду того, что я ни однимъ словомъ не проявилъ намѣренія передать именно мысли Моммзена въ моей лекціи. Скажу словами Тертулліана, Apolog. c. 12: quod non est, nihil ab ullo patitur, quia non est. А въ доказательство того, что я имѣлъ полное право сослаться на Моммзена въ своемъ утвержденіи, что преслѣдованіе христіанъ шло въ администра-

тивномъ порядкѣ и что римскій магистратъ въ процессѣ противъ христіанина осуществлялъ ту функцію своей власти, которая у Римлянъ называлась ius coercendi, я позволю себѣ привести слѣдующій рядъ выдержекъ изъ его статьи. Мѣста эти почти цѣликомъ попали въ переводъ моего антагониста [1]).

p. 394. Die schlimmsten Misshandlungen der Christen sind wahrscheinlich unter falschen Flagge verübt worden, indem, *ungefahr wie heute der rohe Christ bei dem Juden, so damals* der rohe Heide bei dem Christen Kindermord und Wollustfrevel als Bestandtheile ihres Rituals betrachtete und der Beweis durch das odium generis humani ersetzt ward.

p. 397. ..practisch aber... ist die Regierung gegen den Religionsfrevel durchgängig nicht criminell, sondern in der weiterhin zu erörternden Weise polizeilich vorgegangen.

p. 398. Der Gegensatz (der Coercitio) zu dem eigentlichen Strafverfahren liegt darin, dass die Coercition als ausserordentliches Hülfsmittel, gewissermassen als Nothwehr der Gemeinde gegen den Bürger aufgefasst und daher von der Formulirung sowohl des Unrechts wie des Einschreitens dagegen bei ihr abgesehen wird.

p. 399. Die repressiven Massregeln des Staats auf dem Gebiet der Religion gehören überwiegend diesem administrativen Kreise an und sind nothwendiger Weise beherrscht durch die davon untrennbare administrative Willkür.

p. 411. Daher tritt diese Coercition, so weit sie überhaupt in die Rechtsbücher Eingang gefunden hat, daselbst auf nicht in der Darstellung de publicis iudiciis, das heisst im Criminalrecht, sondern in den Schriften de officio proconsulis, welche das ausserordentliche Verfahren und das Polizeirecht behandeln, und in den allgemeinen Rechtscompendien nicht unter einem der benannten Titel des Strafrechts, sondern in den suppletorischen Abschnitten oder auch in dem allgemein ergänzenden de poenis.

p. 414. Das Eintreten oder Nichteintreten der Ahndung ist auch bei erwiesenem Thatbestand willkürlich und um so mehr die Bemessung des Rechtsnachtheils von dem Belieben der Beamten abhängig. Dies zeigt sich auf das Deutlichste in dem Einschreiten gegen die Chri-

[1]) Мѣста, обозначенныя звѣздочками, опущены переводчикомъ.

sten. Es liegt im Wesen des Strafrechts, dass der Magistrat, von besonderen Verhältnissen abgesehen, den Uebelthäter zu ermitteln verpflichtet ist und noch mehr, dass das consummirte Verbrechen nicht ungeschehen gemacht werden kann; eifrige Statthalter haben auch in der That den Christen suchen lassen wie den Dieb und auch denjenigen bestraft, der den Christenglauben wahrheitswidrig ableugnete oder davon zurückgetreten war. Die Christenverfolgungen unter Decius und später sind vielfach diese Wege gegangen, entsprechend der oben bezeichneten Auffassung des Religionsfrevels. Aber bis dahin hielt die Regierung, wie es scheint, ohne Ausnahme, als leitende Grundsätze das gerade Gegentheil fest: nur auf Anzeige wird gegen den Christen eingeschritten, worin das Compromiss mit dem Volkshass deutlich zu Tage tritt, und wer auf Befragen erklärt nicht oder nicht mehr Christ zu sein, ist straffrei, selbst wenn er seinen Glauben nur mit den Lippen verleugnet.

p. 417. Die zweite (dieser Kategorien, т. е. crimen maiestatis) ist der älteren Rechtsauffassung und der älteren Rechtspraxis fremd.

p. 420. Im allgemeinen hielten die Kaiser zwar den Standpunct der polizeilichen Contravention auf geschehene Anzeige fest und strafften, wo es sich nicht gut vermeiden liess, brachten aber die Coercition in einer Weise zur Anwendung, dass die Repression so weit wie moglich zurücktrat.

ibid. Die christlichen Martyrien sind arge Zeugen einer argen Zeit——Auch von diesen Todesurtheilen sind sicher die meisten, eben wie das über den Stifter der Religion selbst verhängte, durch den blinden Fanatismus der Massen und die bei Plinius so deutlich sich kennzeichnende Schwäche einzelner Statthalter herbeigeführt worden; erst in der zweiten Hälfte des 3 Jahrhunderts ist unter den rohesten Herrschern, wie Decius, Valerianus, Galerius das Regiment selbst jenem Fanatismus zeitweise verfallen, *der dann rasch, zumal bei seinem Uebermass und bei seiner Unstetigkeit, im Gegenschlag dem Christenthum zunächst mit dem Heidenthum die Parität und bald über dieses die Herrschaft gab*.

Полагаю, что для всякаго понимающаго то, что у него предъ глазами, совершенно ясно, что, по мнѣнію Моммзена, обыкновенный видъ процесса противъ христіанъ былъ проявленіемъ магистратской coercitio, и далѣе, что Моммзенъ не признаетъ существованія *гоненій*

на христіанство раньше временъ Декія, т. е. половины III вѣка. Итакъ, я имѣлъ право сослаться на Моммзена въ моемъ изложеніи. Сдѣлалъ-же я эту ссылку для того, чтобы желающіе изъ моихъ читателей, если таковые окажутся, могли самостоятельнымъ ознакомленіемъ съ произведеніемъ этого авторитета въ наукѣ о Римѣ углубить свое знаніе по этому вопросу. Мой обличитель гораздо предупредительнѣе, меня: онъ взялъ на себя трудъ перевести статью Моммзена (трудъ не малый), резюмировать ее и кое въ чемъ исправить. Я бы охотно призналъ это большой заслугой съ его стороны, если-бы переводъ и резюме были вѣрны (о поправкахъ я ужъ и не говорю). Но, увы, онъ трудился всуе, ибо споткнулся на разныя трудности нѣмецкаго языка, оттого переводъ его вышелъ не вѣренъ, не правильно вышло и его резюме, и я, по долгу ученика, обязанъ взять слово Моммзена подъ свою защиту предъ русскими читателями и возгласить: вѣрьте Моммзену, но не вѣрьте его досужему переводчику и толкователю!

Начну съ указанія на то, что переводчикъ заставляетъ Моммзена сказать прямую безсмыслицу. Такъ, на стр. 132 значится у переводчика слѣдующее, какъ слова самого Моммзена: „Что всѣ жалобы и нападки на христіанъ вращаются около этого принципіальнаго правоваго пункта (т. е. crimen laesae Maiestatis) понятно; но практически, вѣроятно, дѣйствовали въ этомъ смыслѣ только въ исключительныхъ случаяхъ, и правительство обыкновенно преслѣдовало преступленія противъ религіи не уголовнымъ, а полицейскимъ порядкомъ“.

Что это говоритъ Моммзенъ? Хотя язычники постоянно изобличали христіанъ, какъ виновныхъ въ нарушеніи закона о maiestas, что влекло за собой уголовную кару, но на практикѣ было иначе, и преслѣдованіе шло полицейскимъ порядкомъ. Почему же такъ? Или языческое правительство боялось христіанъ? или законъ этотъ устарѣлъ, какъ многіе другіе, и не примѣнялся въ судебной сферѣ жизни римскаго государства? Непонятно и удивительно, какое-то странное противорѣчіе!—А въ подлинникѣ Моммзена все понятно, логично и ясно.

„Dass die Beschwerden und die Invectiven der Christen sich ständig gegen diesen principiellen Rechtssatz wenden, ist begreiflich; practisch aber ist in diesem Sinn wahrscheinlich nur ausnahmsweise verfahren worden und ist die Regierung gegen den Religionsfrevel durchgängig nicht criminell, sondern in der weiterhin zu erörternden Weise polizeilich vorgegangen“.

Переводчикъ не понялъ родительнаго падежа der Christen, откуда и произошла безсмыслица. Моммзенъ говоритъ, что *жалобы и инвективы христіанъ* постоянно обращались противъ представленія, будто христіанство есть crimen maiestatis; онъ считаетъ этотъ фактъ понятнымъ. Что-же до правительства, то оно *обыкновенно*, какъ онъ утверждаетъ, не примѣняло къ христіанамъ этого закона, и въ случаяхъ преслѣдованія отдѣльныхъ лицъ прибѣгало къ мѣропріятіямъ полицейскаго характера.—Итакъ, Моммзенъ въ этихъ словахъ констатируетъ то самое положеніе, которое по моему адресу оспариваетъ мой обличитель. Я готовъ вѣрить, что онъ допустилъ здѣсь не намѣренное искаженіе мысли Моммзена, а просто не вполнѣ понялъ нѣмецкій текстъ, что́ случалось съ нимъ довольно таки часто. Съ ошибки и начинается его переводъ.—„Для уясненія этихъ отношеній безполезно трактовать этотъ (общій) вопросъ преимущественно съ точки зрѣнія христіанской, т. е. ограничиваясь только репрессивными мѣрами противъ самаго христіанства“. А Моммзенъ говоритъ вотъ что: „Es hat der Auffassung dieser Verhältnisse keinen Vortheil gebracht, dass die Frage überwiegend vom christlichen Standpunkt aus betrachtet wird, also in Beziehung auf eine einzelne von derartigen Repressivmassregeln betroffene Glaubenskategorie“ (стр. 389).—Мысль Моммзена совсѣмъ не та, что у переводчика, а вотъ какова: вопросъ о преслѣдованіяхъ не разъясненъ надлежащимъ образомъ доселѣ потому, что изслѣдователи ставили его постоянно въ слишкомъ узкія рамки, имѣя въ виду только отношеніе Рима къ христіанству. Нужна болѣе широкая постановка, каковую Моммзенъ и предлагаетъ въ нижеслѣдующемъ изложеніи. Переводчикъ не понялъ значенія прошедшаго времени hat. Ошибокъ у него вообще много, и притомъ различныхъ. Такъ: die Befugniss des Magistrats ... direct durch Anwendung der Gewalt zum Gehorsam zu zwingen (coercere) (p. 398)—переведено: „право магистрата принуждать (coercere) къ послушанію .... прямо употребленіемъ власти“ (стр. 132). Переводчикъ смѣшалъ здѣсь весьма различныя понятія: сила и власть. Моммзенъ говоритъ о правѣ примѣнять силу.—Diese wesentlich negative Darlegung wird weiter bestätigen, dass die hier... (p. 410)—переведено: „Это въ сущности отрицательное разъясненіе подтверждается далѣе тѣмъ, что“... (стр. 139); ...dieses Nationalgefühl... zunächst in die bevorrechteten Stände zurückgedrängt und es schliesslich zerstört (p. 417)—„а въ привилегированныхъ (sic) классахъ оно было подавлено (sic) и наконецъ

уничтожено" (стр. 145), тогда какъ Моммзенъ утверждаетъ слѣдующее: національное самосознаніе, исчезнувъ въ низшихъ классахъ подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, *сохранялось только въ привилегированныхъ*, а позднѣе изчезло и въ ихъ средѣ.—Die zwischen dem freien Gemeinwesen und dem Iudenthum unvermeidliche Fehde... (p. 418)—„Борьба, неизбѣжная между свободнымъ народомъ и іудействомъ"... (стр. 145).—Что значитъ: свободный народъ? и какъ догадаться, что это значитъ республика въ противоположность къ принципату?—war im Schwinden begriffen (p. 418) „исчезла" (стр. 145). Напрасно также онъ полагаетъ, что нѣмецкое es scheint—значитъ: „кажется", какъ онъ повсюду самъ переводитъ это выраженіе, похваливъ предварительно Моммзена (стр. 126 пр. 1) за осторожность. Выраженіе es scheint гораздо сильнѣе нашего „кажется", и въ большинствѣ случаевъ можетъ быть передаваемо на русскій языкъ выраженіями въ родѣ слѣдующихъ: по всей вѣроятности, или необходимо принять, допустить и т. под, т. е. такъ выражается аподиктическое положеніе, но основанное не на прямомъ свидѣтельствѣ факта, а на косвенныхъ доказательствахъ или общихъ теоретическихъ соображеніяхъ.

Эти и другія, не отмѣченныя здѣсь мною, ошибки противъ нѣмецкаго языка должны подорвать довѣріе къ переводу. Но кромѣ такихъ весьма существенныхъ погрѣшностей есть въ этомъ переводѣ и прямые курьезы. Такъ, на стр. 135 въ контекстѣ перевода читается слѣдующее:—„Меценатъ выставляетъ лично склонному къ новымъ религіямъ Августу, какъ обязанность регента—ненавидѣть и карать отступающихъ отъ національной вѣры гражданъ".—Совершенно неожиданное открытіе! Оказывается, что Моммзенъ, вопреки всѣмъ прямымъ свидѣтельствамъ историковъ и поэтовъ, полагаетъ, что Августъ былъ склоненъ къ новымъ религіямъ, когда всѣ наши источники говорятъ о противномъ и утверждаютъ, что Августъ всю свою жизнь заботился о поддержаніи и возстановленіи римскихъ національныхъ культовъ. Это извѣстно и моему обличителю, который самъ распространяется объ этомъ на стр. 37 и слѣд., гдѣ онъ заканчиваетъ свой экскурсъ утвержденіемъ: „Въ государственной дѣятельности Августа мы не видимъ ни „свободнаго" или „полнаго равнодушія" къ религіямъ, ни междурелигіознаго „безразличія"" (стр. 39). И вдругъ на стр. 135 оказывается, что Августъ былъ склоненъ къ новымъ религіямъ. Что это значитъ?

Дѣло объясняется неумѣлымъ перенесеніемъ примѣчанія Моммзе-

на въ его текстъ и замѣной его яснаго текста содержаніемъ искаженнаго по невѣдѣнію примѣчанія. У Моммзена въ текстѣ стоитъ слѣдующее: „Die vom nationalen Glauben sich abwendenden Bürger zu hassen und zu strafen wird noch unter dem den neuen Religionen persönlich geneigten Alexander von einem ihm nahe stehenden Staatsmann als Regentenprincip bezeichnet“ (p. 406). Въ примѣчаніи къ этому мѣсту у Моммзена читаемъ: „Dio 52, 36 in der Ansprache des Mäcenas an Augustus: τὸ μὲν θεῖον πάντως αὐτός τε σέβου κατὰ τὰ πάτρια καὶ τοὺς ἄλλους τιμᾶν ἀνάγκαζε· τοὺς δὲ δὴ ξενίζοντάς τι περὶ αὐτὸ καὶ μίσει καὶ κόλαζε“.

Переводчикъ, не понялъ связи между примѣчаніемъ и текстомъ, пояснилъ Моммзена по своему, перемѣшавъ Августа съ Александромъ Северомъ, и въ результатѣ оказалась безсмыслица, которой не могъ сказать Моммзенъ. Я охотно поясню неумѣлому переводчику связь примѣчанія съ текстомъ. Въ текстѣ Моммзенъ говоритъ объ Александрѣ Северѣ, имѣя въ мысляхъ его lararium, куда онъ помѣстилъ изображенія всѣхъ великихъ мужей и въ числѣ ихъ Іисуса Христа. Фактъ извѣстный изъ біографіи этого императора въ корпусѣ Scriptorum historiae Augustae, vita Alex. c. 29, 2. Историкъ Кассій Діонъ былъ современникъ Александра и близкое къ нему лицо. Въ своемъ историческомъ трудѣ онъ помѣстилъ, между прочимъ, изложеніе общихъ принциповъ императорской политики, облекши его въ форму рѣчи Мецената, обращенной къ Августу. То обстоятельство, что Меценатъ никогда, конечно, не держалъ такой рѣчи предъ Августомъ не лишаетъ исторической важности самаго ея текста. Но само собой понятно, что многое въ этой рѣчи имѣетъ отношеніе къ фактамъ и теченіямъ мысли послѣдующаго времени и въ частности времени Александра Севера, котораго могъ имѣть въ виду и подлинный авторъ этой рѣчи, т. е. Кассій Діонъ, близко знавшій синкретическое настроеніе религіознаго сознанія молодаго императора.

Отъ желанія переводчика помочь Моммзену изъясниться лучше, чѣмъ какъ самъ онъ то сдѣлалъ, явилась на 135 стр. у переводчика слѣдующая загадочная и противорѣчивая фраза.—„Опредѣленнѣе чѣмъ понужденіе гражданина къ исполненію его религіозныхъ обязанностей, выступаетъ магистратское вмѣшательство противъ почитанія гражданами иностранныхъ божествъ (religio externa, superstitio externa), или же и (sic) божествъ государства, но въ иноземныхъ формахъ.... за исключеніемъ божествъ, принятыхъ въ составъ римскихъ боговъ“.

—Полная неясность и какая-то загадочность мысли! Напрасно переводчикъ поставилъ здѣсь многоточіе: онъ не только ничего не пропустилъ, но даже кое-что прибавилъ отъ себя, очевидно вслѣдствіе того, что не понялъ совершенно простой въ нѣмецкомъ контекстѣ фразы. Вотъ она: „Bestimmter als die Anhaltung des Bürgers zur Erfüllung seiner religiösen Pflichten tritt das magistratische Einschreiten gegen die Verehrung der ausländischen Gottheiten oder auch der Gottheiten des Staates in ausländischen Formen durch den Bürger in unserer Ueberlieferung hervor". — Слова: religio externa, superstitio externa, заимствованы переводчикомъ въ текстъ изъ Моммзенова примѣчанія, которое онъ здѣсь опустилъ (девять строкъ); но откуда онъ взялъ пропускъ, отмѣченный многоточіемъ и слѣдующую за многоточіемъ излишнюю и затемняющую мысль прибавку,—этого я не знаю.

Ненадеженъ-же переводъ, заключающій въ себѣ такого рода курьезы, искажающіе подлинникъ. Ненадеженъ онъ и потому, что въ немъ очень много пропусковъ и подъ-часъ весьма существенныхъ. Правда, переводчикъ часто отмѣчаетъ свои пропуски многоточіями, но дѣлаетъ это далеко не всегда. Такъ, на стр. 130 въ серединѣ ея послѣ словъ: „а не въ нравственномъ смыслѣ"—поставлена точка, а не многоточіе, какъ въ мѣстахъ, гдѣ отмѣчены пропуски, и дальнѣйшее идетъ съ новой строки. Между тѣмъ у Моммзена есть еще 8 строкъ и первыя четыре заключаютъ въ себѣ весьма серьезное утвержденіе, а именно: „Aber eine Verurtheilung des Christen als solchen war auch dies nicht, die unnachsichliche Durchführung solcher Ehrenerweisung keineswegs ein Verbot des Christenthums" (p. 394). Итакъ, Моммзенъ утверждаетъ, что наказаніе христіанина за отказъ воздать культъ императору не было преслѣдованіемъ христіанина, какъ такого, не заключало въ себѣ запрещенія христіанства.—Очевидно въ виды переводчика не входило, чтобы Моммзенъ высказалъ такое положеніе. Онъ его опустилъ и пропуска не отмѣтилъ.—Неотмѣченные пропуски есть, далѣе, на стр. 132, 134, 135—въ двухъ мѣстахъ, 136. Я ни мало не отрицаю у переводчика права опускать кое-что по своему усмотрѣнію, но, полагаю, что надлежало отмѣтить всѣ пропуски. Бѣда въ томъ, что среди этихъ опущенныхъ мѣстъ есть нѣсколько такихъ, которыя совсѣмъ не мирятся съ предложенной имъ формулировкой выводовъ, яко-бы непосредственно извлеченныхъ изъ статьи Моммзена. Таковъ, не говоря о другихъ менѣе существенныхъ, его 3-й

тезисъ: „христіанство трактовали, какъ уголовное преступленіе, сущностью котораго была вѣра христіанская“ (стр. 149). Если-бы онъ не опустилъ приведеннаго мною выше мѣста со страницы 394, если-бы онъ понялъ мѣсто объ инвективахъ христіанъ, то онъ бы не имѣлъ права вывести этотъ тезисъ. А тезисъ этотъ слишкомъ важенъ для всего вопроса о правовомъ положеніи христіанства въ имперіи. Выдавая его за мысль самого Моммзена, переводчикъ совершаетъ великій грѣхъ.

Одинъ, отмѣченный имъ, правда, пропускъ вызвалъ его на самостоятельные домыслы касательно подлинной мысли Моммзена, которые онъ изложилъ на стр. 150—152. Сдѣлавъ замѣчаніе, что въ трактатѣ Моммзена есть мѣста которыя „требуютъ нѣкотораго поясненія“, онъ приводитъ, въ видѣ примѣра, слѣдующее —„онъ (т. е. Моммзенъ) говоритъ, что „категорія уголовнаго преслѣдованія за преступленіе противъ религіи, подведенное подъ понятіе maiestatis, чужда древнѣйшему пониманію права и древнѣйшей юридической практикѣ“. Это такъ и нужно понимать только о *древнѣйшемъ* (к. п.) періодѣ,—республиканскомъ, а не объ эпохѣ принципата, когда, особенно со времени Домиціана, crimen laesae Maiestatis имѣло уже *религіозно*-политическій (к. п.) характеръ, и прежде всего прилагалось къ христіанству, составляло сущность обвиненія противъ христіанъ, отказывавшихся sacrificium imperatori solvere. Эту мысль въ выводѣ недосказанную, въ трактатѣ, въ своемъ мѣстѣ, развиваетъ Моммсенъ, опираясь на Тертуллліаново различеніе двоякой категоріи crimen laesae Maiestatis въ приложеніи къ христіанамъ“.—На эти домыслы переводчика я долженъ отвѣтить, что онъ ошибся. На своей стр. 132 онъ сдѣлалъ одинъ пропускъ, у Моммзена-же данъ тамъ прямой, и вовсе несогласный съ его домысломъ, отвѣтъ на вопросъ, что значитъ: „древнѣйшій“.—„Bis auf die Mitte des 3 Jahrhunderts haben offenbar weniger einzelne Herrscher als einzelne Statthalter im Sinn der strengeren Auffassung des Majestätsverbrechens vereinzelte, aber darum nur um so schwerer empfundene Bestrafungen verfügt. Wenn dagegen Decius und einige andere Herrscher der zweiten Hälfte desselben Jahrhunderts eigentliche Christenverfolgungen angeordnet haben, so hat die christenfeindliche Interpretation des Majestätsbegriffes sicher dabei ihre Rolle gespielt, wenn auch in dieser wüsten Zeit für und gegen von allem anderen eher geredet wird als von der juristischen Motivirung“ (p. 397).

Что это за переводъ, въ которомъ опускается существенное для того, чтобы затѣмъ собственнымъ мудрованіемъ дать изъясненіе частнаго вопроса, которое противорѣчитъ выраженной съ полной опредѣленностью въ оригиналѣ мысли? Достаточно одного такого пункта, чтобы даже независимо отъ достоинствъ перевода,—если бы таковыя оказались на лицо,—совершенно подорвать возможность пользованія имъ [1]).

Послѣ всего изложеннаго позволительно поставить вопросъ: кто извратилъ и исказилъ Моммзена: я ли, сославшійся на него въ томъ, что онъ дѣйствительно говоритъ въ своей статьѣ, или переводчикъ, недостаточно свѣдущій въ нѣмецкомъ языкѣ, сдѣлавшій поэтому не мало погрѣшностей въ пониманіи простыхъ и ясныхъ мыслей, переводчикъ, опускавшій изъ текста оригинала мысли, неудобныя для его собственныхъ, унаслѣдованныхъ отъ давняго прошлаго, положеній, переводчикъ, толковавшій и дополнявшій оригиналъ, съ котораго онъ переводилъ, по своему неглубокому разумѣнію и тощему историческому знанію? И какимъ словомъ надо назвать тѣ. незнающія предѣла въ свободѣ выраженія, инсинуаціи на мой счетъ, которыя онъ въ такомъ изобиліи себѣ позволилъ представить на страницахъ духовнаго журнала, у ч е н а г о органа высшаго учебнаго заведенія? Какъ назвать все это.?..

Вопросы историческіе и юридическіе.

Вопросъ объ отношеніи Рима къ христіанству былъ поставленъ мною въ лекціи на юридическую почву, какъ то ясно формулировано и въ самомъ заголовкѣ: „Христіанская церковь и римскій законъ“.

---

[1]) Отмѣчу также и произволъ въ обращеніи переводчика съ примѣчаніями Моммзена. Одинъ примѣръ этого данъ уже выше. Большинство примѣчаній, въ особенности изъ второй половины статьи, переведены подъ текстомъ съ отмѣткой ихъ автора. Но два изъ нихъ, а именно: пр. 2 на стр. 413 и 3 на стр. 418, перемѣщены у переводчика въ текстъ на стр. 140 и 145. Оба эти примѣчанія поясняютъ утвержденіе, высказанное въ текстѣ. Такое распространеніе текста включеніемъ въ него примѣчаній быть можетъ и полезно для читателя, мало вращавшагося въ вопросѣ, о которомъ идетъ рѣчь, такъ какъ у него кратко формулированное положеніе не вызываетъ въ памяти само по себѣ непосредственно конкретныхъ фактовъ, для которыхъ оно является обобщеніемъ, но въ тоже время этимъ тормозится послѣдовательность изложенія и затемняется связь между отдѣльными предложеніями.

Но я облекъ свое изложеніе не въ форму юридическаго изслѣдованія, а историческаго повѣствованія, въ которомъ я и воспользовался всѣми данными юридическаго характера, заключенными въ памятникахъ римскаго права. Въ моихъ цитатахъ названъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ весь этотъ матерьялъ. Въ виду того, что то была публичная лекція, я, конечно, не могъ, но и помимо того—не хотѣлъ вовсе—возбуждать и трактовать возможные юридическіе контроверзы и освѣщать краткія показанія юристовъ пространной аргументаціей. Для меня было совершенно довольно ихъ прямаго и яснаго смысла. Желающіе войти глубже въ вопросъ могли найти многое въ статьѣ Моммзена. Мой антагонистъ, не желающій, а быть можетъ и не умѣющій, идти прямымъ путемъ, не подымаетъ спора по существу этихъ свидѣтельствъ, не указываетъ—да и не можетъ указать—опущенныхъ мною данныхъ юридическаго характера, совершенно также какъ не приводитъ онъ никакихъ историческихъ свидѣтельствъ помимо тѣхъ, которыя приведены мною въ моей лекціи, столь мало пространной въ сравненіи съ его огромной полемикой.

Предпочитая путь „разсужденія отъ разума своего“ въ области права, какъ и въ исторіи, онъ затемняетъ дѣло въ своемъ возраженіи. Позволю себѣ сказать, что въ противоположность моей опредѣленности и ясности, каковыя черты онъ самъ за мной признаетъ на стр. 7, у него повсюду—за исключеніемъ слишкомъ ужъ щедрой и неумѣренной брани и грубости—неопредѣленность и неясность его собственнаго сужденія по существу дѣла. Съ большимъ трудомъ могъ я отыскать на пространствѣ его 214 страницъ формулировку его общаго взгляда на положеніе христіанства въ римской имперіи. Такъ на стр. 64 онъ утверждаетъ слѣдующее: „Съ точки зрѣнія римскаго закона христіанское общество (factio. κοινωνία) не имѣло права существовать. Христіанство было преступно вдвойнѣ: оно вводило культъ новый, ненаціональный, исключительный, непозволенный, и разрушало культъ старый, государственный, увлекая къ себѣ его чтителей“—и на стр. 152: „Коренной римскій законъ и въ эпоху принципата лежалъ на христіанствѣ тяжелымъ гнетомъ, который ни однимъ императоромъ до Константина Великаго не былъ снятъ, и только періодически давленіе его то ослабѣвало,—давало роздыхъ угнетенному,—то еще болѣе усиливалось“.

Въ этихъ утвержденіяхъ очень много по истинѣ удивительнаго для людей, знакомыхъ съ древнѣйшими судьбами церкви Христовой по источникамъ. Съ этими утвержденіями связаны всѣ многочисленныя и многоразличныя ошибки и заблужденія моего обличителя.

Отмѣчу прежде всего, что утвержденіе, будто „гнетъ не былъ снятъ ни однимъ императоромъ до Константина Великаго“ вызываетъ недоумѣніе. Какъ могъ историкъ церкви позабыть хотя-бы про эдиктъ имп. Галліена, которымъ было прекращено гоненіе имп. Валеріана и возвращены христіанамъ ихъ кладбища? Эдиктъ этотъ читается въ греческомъ текстѣ у Евсевія h. e. VII, 13.

Далѣе, заявляя столь рѣшительно о запрещенности христіанства, какъ новаго культа, мой обличитель не чувствуетъ никакой на себѣ обязанности подтвердить свои слова какимъ-бы то ни было указаніемъ на источникъ, откуда онъ почерпнулъ это положеніе. Позволю себѣ спросить: когда, какимъ постановленіемъ или закономъ былъ разрѣшенъ культъ Митры? Это былъ также „культъ новый, ненаціональный“ [1]). И однако онъ свободно распространялся по всему лицу римской имперіи, и въ позднѣйшее время къ нему примыкали и сами императоры [2]). Никакого общаго, а тѣмъ болѣе „кореннаго“, закона, подъ который бы ео ipso подпадали новые культы не было въ римскомъ государствѣ. Дѣйствовавшее римское право вовсе не было яснымъ, сложившимся, единымъ кодексомъ. Право слагала жизнь, и нужны были с о б ы т і я, чтобы могло являться представленіе о дозволенномъ и недозволенномъ. Никакого закона, запрещающаго христіанство, дѣлающаго его „недозволеннымъ“, не было въ запасѣ римскихъ юристовъ. Ясное тому доказательство—недоумѣніе Плинія, когда онъ столкнулся съ этимъ фактомъ въ своей провинціи, и отвѣтъ ему императора: Neque enim in universum aliquid quod quasi certam formam habeat constitui potest. Такъ говоритъ императоръ, потому что его вниманію представленъ *новый* фактъ, и онъ самъ не подводитъ его ни подъ какой законъ, какъ не умѣлъ того сдѣлать и его намѣстникъ, искавшій поэтому помощи и указанія у императора.

---

[1]) Персидское происхожденіе этого культа многократно засвидѣтельствовано (Геродотъ, Ксенофонтъ, Страбонъ) Не мало важныхъ свѣдѣній сообщаетъ объ этомъ культѣ христіанскій писатель IV вѣка, Фирмикъ Матернъ. De errore profanarum religionum, гл. 20 и слѣд.

[2]) Назову преимущественно предъ прочимъ слѣдующее изслѣдованіе: Fabri, De Mithrae Dei Solis invicti apud Romanos cultu. Elberfeldae. 1883.

Если мой обличитель полагаетъ, что христіанство было подъ запретомъ, потому что христіане образовали общество, collegium на языкѣ римскихъ юристовъ, то не мѣшало-бы ему пораздумать надъ тѣмъ общимъ положеніемъ императорской юридической практики, которое формулировано въ словахъ: non prohibentur religionis causa coire[1]). Это общее положеніе являлось прежде всего разрѣшеніемъ въ принципѣ такъ называемыхъ погребальныхъ обществъ, collegia funeraticia; но оно могло на практикѣ обнимать гораздо болѣе широкій кругъ фактовъ общественной жизни, и никто иной, какъ Тертулліанъ, даетъ намъ прямое свидѣтельство о томъ, что христіанская община подводила себя подъ этотъ закономъ терпимый институтъ. Apol. c. 38. Proinde nec paulo lenius, inter licitas factiones sectam istam deputari oportebat, a qua nihil tale committitur, quale de illicitis factionibus timeri solet. Nisi fallor enim, prohibendarum factionum causa de providentia constat modestiae publicae, ne civitas in partes scinderetur, quae res facile comitia, concilia, curias, conciones, spectacula etiam aemulis studiorum compulsationibus inquietaret... At enim nobis ab omni gloriae et dignitatis ardore frigentibus nulla est necessitas coetus, nec ulla magis res aliena quam publica.— — c. 39. Corpus sumus de conscientia religionis et disciplinae divinitate et spei foedere. Coimus in coetum et congregationem, ut ad Deum, quasi manu facta, precationibus ambiamus. Haec vis Deo grata est... Etiam si quod arcae genus est, non de honoraria summa, quasi redemptae religionis congregatur; modicam unusquisque stipem menstrua die, vel quum velit, et si modo velit et si modo possit, apponit... Haec quasi deposita pietatis sunt.

И римская власть терпѣла это въ Карѳагенѣ и въ провинціяхъ Африкѣ и Нумидіи. Она вовсе не преслѣдовала христіанъ въ этихъ областяхъ до 180 года, по принятой мною хронологіи актовъ (сцилитанскихъ мучениковъ, или до 200—203, по датировкѣ Баронія, за которую стоитъ мой антагонистъ. Тертулліанъ свидѣтельствуетъ, что первый, кто поднялъ мечъ на христіанъ въ Африкѣ, былъ проконсулъ Вигеллій Сатурнинъ: Vigellius Saturninus, qui primus hic gladium in nos egit. Ad Scap. c. 3.—тотъ самый, который казнилъ Сперата съ товарищами. Такъ какъ „Апологетикъ“ написанъ Тертул-

[1]) Dig. 47, 22, 1, 1.

ліаномъ въ 197 году [1]), и его авторъ тѣмъ не менѣе продолжаетъ выставлять христіанскую общину какъ collegium, то, значитъ, и Вигеллій Сатурнинъ, несомнѣнно преслѣдовавшій христіанъ, вовсе не искоренилъ и не уничтожилъ этого общества. Изъ текста актовъ несомнѣнно, что онъ въ процессѣ вовсе не обращалъ вниманія на эту сторону дѣла

Вообще, утвержденіе, будто христіане подпадали подъ запретъ и уголовную отвѣтственность за то, что составляли „общество", лишено всякаго основанія. Никто доселѣ не потрудился сыскать ни одного мѣста въ подлинныхъ актахъ мучениковъ, гдѣ бы этотъ пунктъ былъ выставленъ какъ обвиненіе. Если въ письмѣ Плинія и говорится на счетъ тайныхъ обществъ, какими являлись, по доносамъ, христіанскія церкви, то вѣдь это было, по словамъ самого Плинія, только мотивомъ привлеченія ихъ къ слѣдствію; а то что онъ христіанъ казнилъ, вызвано было совершенно иными соображеніями, которыя онъ и излагаетъ императору.—Этотъ пунктъ о мнимой запрещенности церкви, какъ общества, надлежитъ давно выбросить изъ научнаго обихода по исторіи церкви (періодъ до гоненій).

И обличитель мой зналъ-бы это, если-бы онъ болѣе вдумался хотя-бы въ ту статью Моммзена, надъ уразумѣніемъ которой онъ довольно таки трудился, хотя и не вполнѣ удачно. Почему въ самомъ дѣлѣ Моммзенъ ничего не говоритъ объ этомъ пунктѣ по вопросу о преслѣдованіи христіанъ? Вѣдь не могъ же Моммзенъ незнать, что это—избитое мѣсто во многихъ старинныхъ изложеніяхъ исторіи древнѣйшихъ судебъ церкви христіанской? Вѣроятно, мой обличитель, столь удачно дополнявшій Моммзена въ будто-бы недосказанномъ имъ, готовъ признать и здѣсь неполноту, которую онъ считалъ-бы себя въ силахъ и правѣ замѣстить справками въ прадѣдовскомъ портфелѣ. Но Моммзенъ—тонкій знатокъ дѣла, и умѣетъ онъ самой постановкой вопроса исключать изъ разсмотрѣнія все, къ нему не относящееся. Такъ онъ и поступилъ въ данномъ случаѣ, хотя, повидимому, и былъ у него поводъ коснуться этой стороны дѣла на стр. 401 (мѣсто это переводчикомъ опущено). Отмѣтивъ въ примѣчаніи 1-мъ на этой страницѣ „неприкосновенность въ принципѣ" права

[1]) Noeldechen, Die Abfassungszeit der Schriften Tertullians. Leipzig. 1888. стр. 22 и слѣд.; ad Scapulam—написано Тертулліаномъ въ 212 году, р. 95 и слѣд.

ассоціацій и въ періодъ принципата, со ссылкой на всѣмъ извѣстное мѣсто Дигестъ (47, 22, 1, 1), Моммзенъ высказалъ въ своемъ текстѣ слѣдующее общее положеніе: „они (т. е. полицейскія мѣропріятія въ случаяхъ злоупотребленія правомъ ассоціацій) до извѣстной степени независимы отъ отношенія государства къ религіи, и отношеніе сената и республики къ этого рода фактамъ принципіально почти таково-же, какъ Траяна и Юстиніана". Это кратко, но вполнѣ понятно для тѣхъ, кто привыкъ расчленять юридическія понятія и непосредственно знакомъ съ фактами.

Но если умолчаніе и краткость Моммзена не могли въ данномъ случаѣ наставить на путь истины моего обличителя, то его могъ просвѣтить другой авторитетъ, столь-же извѣстный какъ и Моммзенъ, но въ своей манерѣ изложенія совершенно ему противоположный, такъ какъ онъ выражается очень пространно и въ своей продолжительной учено-литературной дѣятельности излагалъ многократно, и даже на разныхъ языкахъ, занимавшіе его вопросы. Авторитетъ этотъ— маститый римскій археологъ, G. B de Rossi. Для всякого, кто рѣшается подымать свой голосъ по вопросамъ древнѣйшаго періода исторіи церкви, совершенно обязательно знакомство съ капитальнѣйшимъ трудомъ де Росси, *Roma sotterranea*. Въ первомъ томѣ этого труда, вышедшемъ въ 1864 году, Росси излагаетъ на многихъ страницахъ и во многихъ мѣстахъ частный пунктъ объ отношеніи христіанской церкви къ закону о правѣ ассоціацій. Росси принадлежитъ, между прочимъ, и гипотеза, что церковь, въ качествѣ collegium funeraticium, именовалась *collegium fratrum*, и такъ значилась въ имѣвшихся у префекта спискахъ обществъ. Мысли и выводы заслуженнѣйшаго авторитета въ области христіанской археологіи находятся уже около 30 лѣтъ въ обиходѣ научной литературы по церковной исторіи. Но эта почтенная давность не позволила имъ однако оказаться въ запасѣ свѣдѣній моего обличителя. Онъ полагаетъ, что Росси дѣлалъ только описаніе катакомбъ, знакомство съ которымъ онъ не считаетъ для себя лично ни полезнымъ, ни важнымъ. Я утверждаю это потому, что онъ не поинтересовался даже заглянуть и въ ту статью Росси, которую я назвалъ, за отсутствіемъ въ нашей библіотекѣ итальянскаго подлинника, во французской обработкѣ. На стр. 16 моей лекціи въ примѣчаніи 3-мъ значится слѣдующее: „Rev. archéologique.1866, vol. XIII, pp. 225—244". Цитата эта сдѣлана мною по поводу упо-

минанія о мѣстонахожденіи гроба Домитиллы. Но въ ней содержится не только описаніе этой находки. Она озаглавлена такъ: Existence légale des cimetières chrétiens à Rome, и я не безъ намѣренія отмѣтилъ не страницу этой статьи, гдѣ содержится нужное въ данномъ случаѣ свѣдѣніе о Домитиллѣ, но указалъ весь объемъ статьи. Какъ-же понялъ меня мой обличитель? На стр. 9 послѣдовательно разсматривая мои цитаты, онъ говоритъ объ этой слѣдующее: „Есть у него, правда, нѣсколько ссылокъ случайныхъ по случайнымъ, къ существу дѣла не относящимся, обстоятельствамъ: на изданіе Philologus, по поводу смерти Ипатіи (уже 5 в.), что авторъ безъ нужды пристегнулъ ради своей, намъ уже извѣстной, тенденціи (стр. 31); на статью (sic) проф. Покровскаго по иконографіи (стр. 25)[1]; на Revue Archeologique 1866 г. о катакомбахъ (sic) (стр. 16) и только".—Итакъ, мой обличитель полагаетъ, что статья Росси—„о катакомбахъ". Но онъ глубоко заблуждается! Въ статьѣ этой разсматривается цѣлый рядъ теоретическихъ вопросовъ, и дѣло ставится на юридическую почву. Въ своемъ невѣдѣніи, онъ подумалъ, что если писалъ Росси, то, значитъ, о катакомбахъ, а если о катакомбахъ, то ему незачѣмъ это знать. А жаль, что онъ поступилъ такъ! Эту именно статью Росси можно до извѣстной степени поставить на ряду съ той статьей Моммзена, важность которой призналъ самъ мой обличитель. Изъ этой статьи, имѣющей уже 26-лѣтнюю давность, онъ бы узналъ очень много, существенно для него новаго, и если онъ захочетъ наверстать свое упущеніе и проштудировать эту статью, написанную гораздо легче и проще, чѣмъ статья Моммзена, то онъ увидитъ, какъ далеко онъ самъ отсталъ въ своемъ знаніи по исторіи церкви отъ того, что утверждено уже 26 лѣтъ тому назадъ и вошло съ тѣхъ поръ въ ученый обиходъ. Не сталъ-бы онъ тогда такъ несправедливо глумиться надъ моимъ утвержденіемъ о свободѣ пропаганды христіанства; не имѣлъ-бы онъ тогда нужды писать свои 190, 191, 192-ую страницы, не сталъ-бы онъ тогда возмущаться (стр. 161—162) моимъ поминаніемъ о „капиталахъ" церкви, не сталъ бы онъ дѣлать и многаго другаго...

[1]) Вѣроятно, почтенный Н. В. Покровскій будетъ очень изумленъ, узнавши, что его колоссальный трудъ, стоившій ему много лѣтъ работы, представляющій собою томъ въ 466 стр. in 4° убористой печати, превратился на страницахъ Трудовъ Кіевской Духовной Академіи въ *статью по иконографіи*. Да не прогнѣвается онъ на одного изъ своихъ коллегъ по вѣдомству и роду занятій. Это вѣдь случилось по невѣдѣнію, которымъ непрестанно и многоразлично погрѣшаетъ мой антагонистъ.

Да, въ печальное, по истинѣ, положеніе попадаетъ спеціалистъ, когда онъ, не слѣдя за ученой литературой въ своей области за четверть вѣка, сразу прочтетъ послѣднее и новѣйшее и, въ изумленіи отъ несходства съ давнимъ прошлымъ, захочетъ высказать свое мнѣніе. Опаснѣе всего въ такомъ случаѣ „негодовать“ на причину пробужденія отъ продолжительнаго сна; гораздо лучше смириться и затѣмъ попробовать начать учиться съ начала.

Если такъ обстоитъ дѣло съ историческими познаніями моего антагониста, то чего-же и ожидать отъ него, когда онъ дерзаетъ пускаться въ область права. Увѣренность въ себѣ не покидаетъ его нигдѣ и въ этой области, но какой-же юристъ или римскій историкъ не изумится, услышавъ отъ него хотя-бы слѣдующее:—„Такъ какъ все гражданское и уголовное право развилось изъ права сакральнаго (sic), а слѣдственно имѣло характеръ сакральный (sic), а понтифики, хранители сакральныхъ преданій, имѣли авторитетъ глубокихъ знатоковъ юриспруденціи, то ихъ обязанностью было не только указывать, но и объяснять необходимый (sic) законъ властямъ, что они и дѣлали декретомъ коллегіи“ (sic) (стр. 30). Что до первой половины этой тирады, то мой антагонистъ, очевидно, не понялъ того, что говоритъ Пухта и безъ надобности урѣзалъ и обобщилъ его мысли. Пухта ни коимъ образомъ не утверждаетъ происхожденія всего римскаго права изъ ius sacrum, а вотъ что онъ говоритъ: „Das gesammte Recht war theils reines ius publicum (ius populi romani), theils ius sacrum, und dieses letztere enthielt die Modificationen des ersteren durch das ius quiritium. Das ius sacrum war die Form, welche das Privatrecht annahm, und in welcher es ein Dasein gegen die absorbirende Macht des ius publicum, obwohl ein untergeordnetes erhielt“ [1]). Откуда произошла вторая половина фразы, заключающая въ себѣ нѣчто совершенно мнимое въ своей общности, я не берусь судить. Но что романисты не повинны въ подобныхъ измышленіяхъ, это разумѣется само собой.

„Еще со времени Августа императорамъ предоставлено было актомъ lex de imperio право законодательное“ (стр. 69). Такъ-ли это?

---

[1]) Cursus der Institutionen. 8 Aufl. Erster Band. Leipzig, 1875, p. 83. Въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ съ 5-го изд., (Москва. 1864), передано это мѣсто правильно, но слишкомъ неуклюже, стр. 28.

и почему законы изъ времени Августа носили nomina gentilicia тѣхъ, кто ихъ предлагалъ народу?—„Въ это долго тянувшееся (отъ Августа до Діоклеціана) переходное время, когда почти каждый принцепсъ дѣлалъ перемѣны по своему усмотрѣнію, все было въ текучемъ процессѣ новообразованія; ничего не было устойчиваго, ни опредѣленныхъ формъ, ни обязательныхъ нормъ, направлявшихъ и вводившихъ въ точныя правовыя рамки дѣйствія представителей власти“ (стр. 164).—Какое ужасное, по истинѣ невозможное, правовое положеніе! И это въ періодъ процвѣтанія римской юриспруденціи и дѣятельности классическихъ юристовъ! Но, къ счастью, это было вовсе не такъ.—„Принцепсъ jus dixit, не соображаясь съ установленными юридическими нормами и формами“ (стр. 165).—И это случалось при помощи и устами классическихъ юристовъ?!? Вѣроятно, тутъ неудачная насмѣшка надъ римскимъ правомъ.—„Эти послѣднія (т. е. quaestiones perpetuae) сначала лишились судопроизводства въ уголовныхъ процессахъ, затѣмъ все болѣе и болѣе отходили въ тѣнь, и въ концѣ втораго—въ началѣ 3-го вѣка совершенно исчезли“ (стр. 165).—Что онѣ исчезли, это вѣрно, но вѣдь вѣдали онѣ исключительно уголовныя дѣла!

Довольно этихъ куръезныхъ открытій въ области права, чтобы ясна была компетентность моего антагониста въ этой области знанія. А тотъ важный тонъ, какимъ онъ это изрекаетъ, лишаетъ всякой возможности бесѣдовать съ нимъ на эту тему. Онъ такъ увѣренъ въ своемъ знаніи, такъ ни надъ чѣмъ не задумывается, касаясь вещей извѣстныхъ ему столь мало, что, конечно, было-бы безплодно разъяснять ему элементарныя вещи. Здѣсь, какъ и въ нѣмецкомъ языкѣ, ему бы надо начать съ начала. Какъ въ этомъ послѣднемъ онъ принимаетъ „силу“ за „власть“ и родительный падежъ толкуетъ на свой ладъ, такъ и здѣсь, читая учебники Пухты и Виллемса, онъ понимаетъ не вполнѣ и часто на выворотъ.

Но если мой антагонистъ дѣлаетъ ошибки въ пониманіи написаннаго по нѣмецки, то это находитъ свое объясненіе въ маломъ знаніи языка. Зато ужъ по русски онъ несомнѣнно знаетъ и выражается на этомъ языкѣ съ полной свободой, щеголяя умѣлымъ примѣненіемъ разныхъ фигурныхъ выраженій и обличая большой запасъ словъ, въ особенности такъ наз. крѣпкихъ. Охотно оставляю его въ убѣжденіи, что это послѣднее свойство его способа выражать свои мысли

придаетъ довольно рѣдкое въ ученой литературѣ и на страницахъ духовнаго журнала украшеніе его стилю. Но я никакъ не могу понять, почему мой обличитель, при столь свободномъ владѣніи русской рѣчью, оказался по отношенію ко многимъ мѣстамъ моего изложенія въ затрудненіи насчетъ пониманія ихъ простаго и яснаго смысла. Это непониманіе вызвало его кое-гдѣ на подробное изъясненіе непонятаго, что онъ и далъ себѣ трудъ изложить. Такъ, на стр. 4 моей лекціи, въ общей характеристикѣ римской религіи, я выразился, между прочимъ, такъ:—„Но, по самымъ основнымъ чертамъ римскаго народнаго духа, римская религія имѣла мертвый характеръ.“ Эта мысль пояснена далѣе указаніемъ на то, что эта религія „искони выражалась внѣшнимъ образомъ во множествѣ точно и ясно опредѣленныхъ формъ, культовъ, обычаевъ и обрядностей; она застыла въ нихъ, и самая внѣшность стала ея сущностью.“—Что тутъ неясно или непонятно? Вѣдь ужъ давно стало даже общимъ мѣстомъ противоположеніе римской и греческой религіи. Тогда какъ эта послѣдняя была источникомъ безмѣрно живаго и богатаго творчества въ области слова, вызвала къ жизни всю поэзію Грековъ, религія римская не породила изъ себя ничего, и Горацій въ свое время смѣялся надъ застывшими, вполнѣ непонятными, формулами молитвъ. Достаточно видѣть текстъ хоть одной римской молитвы (напр., въ сочиненіи, Катона Старшаго De agri cultura, или въ эпиграфическихъ памятникахъ), чтобы понять и почувствовать этотъ мертвый характеръ религіознаго сознанія древнихъ Римлянъ.

Но мой обличитель не понялъ этого мѣста моей лекціи. Онъ остановился на словѣ: мертвый, задалъ себѣ вопросъ, что это значитъ (стр. 25), и рѣшился на свой страхъ изъяснить характеръ римской религіи. Не владѣя самъ фактами и свидѣтельствами источниковъ по этому вопросу, онъ воспользовался для своей цѣли изложеніями Марквардта и Виллемса, на которыхъ и сослался въ примѣчаніи на стр. 32. Въ этомъ экскурсѣ прописалъ онъ и ту странную мысль о происхожденіи римскаго права и о понтификахъ, которую я имѣлъ случай привести выше. Здѣсь-же допустилъ онъ столь-же непростительную для чести его источниковъ ошибку, а именно: смѣшалъ авгуровъ съ гаруспиками. „Сами авгуры, говоритъ онъ, (стр. 37), —по свидѣтельству современника римлянина, продѣлывая церемоніалъ, не могли безъ смѣха взглянуть другъ другу въ глаза.“—Подъ совре-

менникомъ Римляниномъ разумѣется здѣсь, очевидно, Катонъ Старшій, а самое свѣдѣніе восходитъ къ Цицерону, De div. II, 24, 51. Но что касается до авгуровъ, то кому-же не извѣстно, что съ древнѣйшихъ временъ и до конца республики, а затѣмъ и при императорахъ, авгуратъ оставался государственнымъ учрежденіемъ и сохранялъ свой авторитетъ. Ни одинъ Римлянинъ не могъ себѣ позволить такой насмѣшки надъ „священной" дисциплиной авгуровъ. Замѣчаніе Катона относится не къ авгурамъ, а къ гаруспикамъ, неимѣвшимъ никогда значенія государственной жреческой коллегіи. И того не сказалъ Катонъ, будто сами гаруспики смѣются, „продѣлывая свой церемоніалъ"; а лишь слѣдующее: онъ, Катонъ, удивляется, какъ это гаруспикъ не смѣется, когда видитъ своего собрата по профессіи.— Смѣшать авгуровъ съ гаруспиками не можетъ считаться простительнымъ для того, кто берется разсуждать о римской религіи, и само собой разумѣется, что источники свѣдѣній моего обличителя неповинны въ этой его грубой ошибкѣ.

Вообще нельзя не пожалѣть, что мой обличитель, вмѣсто того чтобы приниматься за чтеніе обширныхъ изложеній (разумѣю прежде всего Марквардта), которыхъ, какъ то вполнѣ естественно, онъ не могъ сразу усвоить, — не ограничился ознакомленіемъ со статьей о римской религіи, написанной однимъ профессоромъ Кіевской Духовной Академіи. Напечатана она въ „Трудахъ" за 1881 годъ и подписана иниціалами Н. Д. [1]). Удовольствовавшись для первоначальнаго знакомства этимъ краткимъ изложеніемъ, онъ, вѣроятно, лучше бы понялъ мои замѣчанія, не былъ-бы столь пространенъ въ своемъ собственномъ изложеніи по незнакомому ему вопросу, а также могъ-бы избѣжать тѣхъ погрѣшностей, въ которыя онъ впалъ. Весь-же этотъ экскурсъ, стр. 25—42, какъ результатъ недоразумѣнія, отъ котораго могла-бы избавить моего обличителя статья г. Н. Д., не имѣетъ отношенія къ главному вопросу, какъ онъ у меня поставленъ и трактованъ.

Если насчетъ послѣдняго мой обличитель думаетъ иначе, то онъ ошибается. Ошибается-же онъ въ данномъ случаѣ вполнѣ намѣренно,

---

[1]) „Очеркъ религіи и философіи Римлянъ" По Целлеру, Деллингеру и др. составилъ Н. Д. Статья эта имѣется въ отдѣльныхъ оттискахъ. Для моего обличителя были-бы особенно полезны свѣдѣнія, изложенныя на стр. 6 и 9.

такъ какъ онъ позволилъ себѣ сдѣлать одну крупную передержку. Инымъ именемъ нельзя назвать слѣдующій образъ дѣйствій: выдергиваются слова изъ контекста, и притомъ изъ разныхъ его мѣстъ, и затѣмъ соединяются по усмотрѣнію желающаго въ цѣлыя фразы и положенія. Вотъ что говоритъ мой обличитель на стр. 159:—„Г. Кулаковскій передаетъ, что по самому *характеру* (*мертвому*) *римской религіи* (к. п.) и религіозныхъ воззрѣній и установленій римскаго государства, особыхъ религіозныхъ интересовъ, какъ сферы государственной политики, языческій Римъ не зналъ, и поэтому совершенно понятно *полное равнодушіе государственной власти къ религіямъ народовъ, подвластныхъ имперіи*“ (к. п.).—Въ этой тирадѣ есть мои слова, но взяты они изъ разныхъ мѣстъ: со страницъ 3, 20, а конецъ изъ 5; винословнымъ союзомъ они связаны произвольно, вслѣдствіе чего и возникло вышеприведенное положеніе, котораго я никоимъ образомъ не могу признать за свое собственное и долженъ оставить вполнѣ на отвѣтственности его сочинителя. Мои замѣчанія и слова, соединенныя здѣсь во едино и приведенныя насильственнымъ образомъ въ причинную связь, относятся въ моемъ изложеніи къ разнымъ эпохамъ и фактамъ далеко не однороднымъ. Но эта передержка и возникшее отсюда умышленное недоразумѣніе подвигли моего обличителя изъяснить отъ своего разумѣнія причину свободнаго отношенія Рима къ чужимъ религіямъ и принятія ими чужихъ боговъ въ сонмъ своихъ національныхъ. Въ изложеніи по этому вопросу онъ самъ подчеркиваетъ слѣдующее общее положеніе:—„*Въ сущности политеизма—ключъ къ пониманію междурелигіозныхъ отношеній Рима*“ (стр. 33), а въ дальнѣйшемъ поясняетъ: „Политеизмъ исключительности религіозной не знаетъ; и римлянинъ, почитая однихъ изъ національныхъ или ненаціональныхъ боговъ, тѣмъ самымъ не отказывалъ въ почитаніи другимъ“ (стр. 34). Еще дальше онъ дѣлаетъ смѣлое предположеніе такого рода: „Римъ не затруднился-бы и національный культъ этого народа (т. е. Іудеевъ), находившагося въ „разсѣяніи“ по всему государству римскому и составлявшаго замѣтную часть населенія важнѣйшихъ центровъ государства, принять въ составъ римскаго культа и опредѣленіемъ сената установить церемоніалъ этого новаго культа, sacra Iudaeorum сдѣлать sacra populi Romani, учредить collegium для совершенія обрядовъ культа“ (стр. 42).

Насчетъ вѣроятности и возможности послѣдняго скажу словами

Горація: credat Iudaeus Apella; что-же касается до основнаго положенія, на которомъ такъ настаиваетъ авторъ, то оно, по истинѣ, изумительно. Неужели въ Кіевской Духовной Академіи столь низко стоитъ знаніе по исторіи древнихъ религій вообще? Изо всѣхъ политеистическихъ религій наиболѣе извѣстна всѣмъ — религія древнихъ Грековъ. Но вѣдь эта, несомнѣнно политеистическая, религія была въ судьбахъ этого народа однимъ изъ факторовъ разъединенія и разобщенія; самымъ могучимъ образомъ содѣйствовала она раздробленію его на мелкія автономныя политіи. И за все время самобытнаго историческаго развитія Грековъ ихъ политеистическая религія ни мало не отличалась терпимостью. Достаточно напомнить примѣръ Сократа и другихъ философовъ. Изъ Апологіи Платона всѣмъ извѣстны самые пункты обвиненія, выставленные противъ Сократа, которые своимъ результатомъ имѣли его казнь. Позволительно-ли игнорировать столь общеизвѣстные факты? Политеизмъ съ одной стороны и свободное воспріятіе чужихъ религій и религіозная терпимость съ другой —вовсе не суть факты, стоящіе между собой въ причинной связи. Если Римляне въ своихъ „междурелигіозныхъ отношеніяхъ“ не были вовсе похожи на Грековъ, то это и есть особный историческій фактъ, который и принимается, какъ такой, историками, составляя собою весьма важную черту въ характеристикѣ религіознаго сознанія Римлянъ. А то общее положеніе, которое выставилъ мой обличитель, остается все таки вполнѣ ошибочнымъ, такъ какъ ему самымъ рѣзкимъ образомъ противорѣчатъ стоящіе внѣ всякаго сомнѣнія факты изъ исторіи другихъ политеистическихъ религій. Большую неосторожность допустилъ мой обличитель, выказавъ свое незнакомство съ ними; лучше бы было ему не касаться подобныхъ вопросовъ.

Излишніе экскурсы составляютъ вообще одинъ изъ полемическихъ пріемовъ моего антагониста. Такъ, напр., на стр. 193—200, онъ выступаетъ въ защиту апологетовъ христіанства безъ всякаго къ тому повода съ моей стороны, какъ будетъ ясно изъ нижеслѣдующаго.

На стр. 25 и 27 моей лекціи я упомянулъ въ самыхъ краткихъ словахъ объ апологетахъ, отмѣтивъ, что они въ своей полемикѣ противъ вѣры въ боговъ выставляютъ эту послѣднюю какъ идолослуженіе. Я утверждалъ также, что идолослуженіе есть нѣчто мнимое въ язычествѣ, если судить о религіи Римлянъ того времени по ли-

тературѣ, оставленной намъ въ наслѣдіе высшимъ просвѣщеннымъ обществомъ (каковую мы только и имѣемъ). Мой обличитель, ничего не возражая мнѣ по существу моихъ утвержденій, пишетъ длинный экскурсъ объ апологетахъ, защищая ихъ отъ упрека въ невѣжествѣ. Если онъ желалъ показать этимъ, что онъ вообще знакомъ съ апологетами; то, признаюсь, немного странно, что въ ихъ числѣ не помянутъ древнѣйшій, нынѣ уже извѣстный ученому міру, Аристидъ. Но во всякомъ случаѣ, къ моимъ утвержденіямъ этотъ экскурсъ никакого отношенія не имѣетъ, такъ какъ я нигдѣ ни въ чемъ не обвинялъ апологетовъ, и кто ихъ упрекалъ въ невѣжествѣ,—я не знаю. Ясно-же мнѣ одно: мой обличитель намѣренно вноситъ недоумѣнія и недоразумѣнія и тѣмъ отягчаетъ свой трудъ, въ единственной заботѣ вызвать представленіе о мнимо допущенныхъ мною погрѣшностяхъ.

Такъ, на стр. 21 моей лекціи, прежде чѣмъ привести подлинный актъ процесса противъ христіанъ, я сдѣлалъ слѣдующее общее замѣчаніе:—„Среди множества свѣдѣній о мученикахъ, которыя въ такой полнотѣ и обиліи собрала въ пору своего могущества христіанская церковь, есть много недостовѣрнаго и даже подложнаго, но есть также и такія сообщенія, которыя представляютъ въ своей основѣ ничто иное, какъ точный протоколъ судебнаго разбирательства объ отдѣльныхъ христіанахъ“. Въ дальнѣйшемъ поясненъ у меня способъ, какимъ добывались эти документы, со ссылкой на прекрасное изслѣдованіе Le Blant'a. Итакъ, среди „недостовѣрнаго и даже подложнаго“ признавалъ я существованіе подлинныхъ, современныхъ событіямъ, документовъ. Я не приводилъ примѣра актовъ подложныхъ, такъ какъ не имѣлъ въ томъ никакой надобности. Но самъ-же мой обличитель признаетъ (на стр. 118) подложными акты Ахаціи, хотя они и помѣщены Руинаромъ въ число Acta sincera. По этому частному поводу я вовсе не намѣренъ ему возражать, а напротивъ, признаю его скептицизмъ вполнѣ основательнымъ. Но по какому праву позволяетъ онъ себѣ на стр. 79 своего обличенія извращать мои сужденія? Онъ выражается такъ: „они (т. е. „нынѣшніе либералы“, къ которымъ сопричисленъ и я) изо всѣхъ силъ стараются ослабить впечатлѣніе, какое производятъ протоколы римскихъ Cognitiones de Christianis, сохраненные актами мученическими. Это—„недостовѣрныя и даже подложныя свѣдѣнія, говорятъ они, въ такой полнотѣ и обиліи собранныя христіанской церковью *въ пору своего*

могущества“ (Кулак. стр. 21)“.—Развѣ мысль, вполнѣ опредѣленно выраженная мною, такова? Развѣ самъ обличитель не признаетъ существованія подложныхъ актовъ? А подчеркнутыя имъ слова моего текста обличаютъ, что ему неизвѣстенъ одинъ важный фактъ, который я имѣлъ въ виду, когда такъ выражался. Онъ можетъ найти его въ 59 томѣ Латинской Патрологіи Migne'я на стр. 160.— На римскомъ соборѣ въ концѣ V вѣка, при папѣ Геласіи, было принято постановленіе, предостерегающее клиръ отъ чтенія въ церквахъ актовъ мучениковъ, quia et eorum qui conscripsere nomina penitus ignorantur, et ab infidelibus aut idiotis superflua aut minus apta, quam rei ordo fuerit, scripta esse putantur.

Было-бы слишкомъ длинно перебирать здѣсь всѣ случаи столь предосудительнаго обращенія съ моимъ текстомъ, которое дозволялъ себѣ мой обличитель; ограничусь поэтому указаніемъ лишь на слѣдующіе два обращика его свободы.

На стр. 170, говоря о процессѣ противъ христіанъ, какъ онъ представляется въ Актахъ мучениковъ, мой антагонистъ замѣчаетъ:— „Это былъ судъ по *законному* усмотрѣнію судьи-проконсула, а не по „*простому* произволу“ “.—Прибѣгая къ ковычкамъ, авторъ даетъ послѣднимъ словамъ значеніе цитаты изъ моего текста. Но я нигдѣ не утверждалъ, что судъ намѣстниковъ надъ христіанами былъ дѣломъ „простаго произвола“. Я напротивъ признавалъ, что этотъ судъ есть проявленіе законно принадлежащаго магистрату права, именовавшагося у Римлянъ ius coercendi. Слово „произволъ“ у меня есть, но употреблено оно совсѣмъ въ другой связи, а именно на стр. 15, и вовсе не въ отношеніи къ процессу противъ христіанъ, а къ изобрѣтенной Нерономъ формѣ казни, свершенной надъ мнимыми виновниками пожара, постигшаго Римъ въ 64 году.

Столь-же дурно поступаетъ мой обличитель съ моимъ текстомъ и еще по одному поводу. На стр. 25 моей лекціи сказано слѣдующее.—„Христіанство распространялось первоначально въ низшихъ слояхъ общества, а потому оно и должно было подвергнуться обсужденію сначала именно въ этой средѣ“. Двѣ страницы дальше, я говорю:—„Христіанство было фактомъ жизни общества. Оно распространялось и усиливалось въ средѣ населенія римской имперіи повсемѣстно, захватывало постепенно все болѣе широкій кругъ и посте-

пенно восходило все выше по общественной лѣстницѣ сословныхъ отношеній“ (стр. 27).

Въ этихъ положеніяхъ нѣтъ ни противорѣчія, ни тѣмъ болѣе какой-либо ошибки или неточности. Но мой обличитель находитъ способъ помучить себя излишнимъ писаніемъ. Онъ привлекаетъ еще третье мѣсто изъ моей лекціи, со стр. 24, слѣдующаго содержанія:— „такъ какъ эти (т. е. христіанскія) вѣрованія и эти идеалы были опроверженіемъ и разрушеніемъ стараго міра, были его отрицаніемъ, то старый міръ и отстаивалъ себя, и боролся съ этимъ своимъ смертельнымъ врагомъ“. Приводя это послѣднее мѣсто, мой обличитель, на стр. 183, ужасно возмущается тѣмъ, будто для меня — старый міръ „есть только „низшая масса населенія“, „простой народъ“, „городская чернь“. Это и есть та „*среда*“, гдѣ распространялось христіанство“. Какое узкое, лишенное серьезнаго историческаго содержанія опредѣленіе „стараго міра“, съ которымъ встрѣтилось, на который дѣйствовало и съ которымъ должно было выдерживать продолжительную борьбу христіанство!“—Продолжая свое патетическое отступленіе, онъ заканчиваетъ его такъ.—„И самъ г. Кулаковскій, такъ настойчиво повторяющій, что „высшій просвѣщенный классъ общества“ во 2-мъ вѣкѣ не вѣдалъ христіанства и не интересовался имъ, въ противорѣчіе себѣ говоритъ, что во 2-мъ вѣкѣ „оно захватывало все болѣе широкій кругъ и постепенно восходило все выше по общественной лѣстницѣ сословныхъ отношеній.—Мы изучаемъ въ настоящій разъ враговъ христіанства“.

Когда я говорилъ на стр. 25 и 26 моей лекціи объ отсутствіи знанія о христіанствѣ въ высшемъ обществѣ II вѣка, то называлъ имена и указалъ въ примѣчаніяхъ сочиненія древнихъ авторовъ и мѣста въ нихъ, подкрѣпляющія мое утвержденіе. Пошатнуть силу этихъ свидѣтельствъ никто, ни даже мой обличитель, не можетъ. Онъ и не пытается этого сдѣлать, но измышляетъ какое-то противорѣчіе, вѣроятно подчиняясь одолѣвшему его аффекту, и инкриминируетъ это „противорѣчіе“ своей, совершенно не идущей къ дѣлу, анаѳемой. Вѣдь эта очевидная передержка, и притомъ столь злостная, переводитъ полемику въ доносъ по уголовному дѣлу. Нельзя не подивиться этому пріему въ писаніяхъ ученыхъ людей и въ духовномъ журналѣ!....

Какъ-же назвать такую полемику, въ которой считается дозволеннымъ перетасовывать чужія слова, дѣлать передержки и инкриминировать разныя инсинуаціи? Вѣдь тутъ уже забыто не только уваженіе къ наукѣ, печатному слову, литературному приличію, но и нѣчто другое—то, что по русски называется честность...

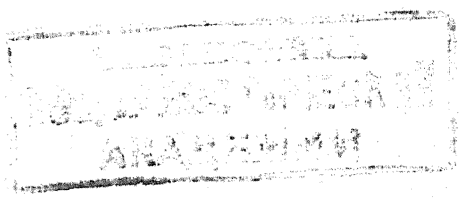
Таковъ мой антагонистъ: мало знанія источниковъ, но много свободы въ обращеніи съ ними; мало желанія и умѣнія понять серьезное изложеніе по нѣмецки-ли оно сдѣлано, или даже по русски, но слишкомъ много свободы въ обращеніи съ простымъ и яснымъ, свободы, доходящей до передержекъ и лжи. Возможно-ли съ такимъ противникомъ вступать въ споръ по существу дѣла, когда онъ не чувствуетъ, или намѣренно не понимаетъ, гдѣ и въ чемъ вопросъ, и вмѣсто того, чтобы идти прямо къ дѣлу, пускается на разные извороты и уловки, подымаетъ громкій крикъ о несуществующемъ и собственной грязью старается забрызгать того, противъ кого ему вздумается сдѣлать вылазку....

Смѣю думать, что для всякаго, кто прочелъ предыдущее, очевидно слѣдующее: мой антагонистъ далъ въ своихъ возраженіяхъ неопровержимое свидѣтельство того, что онъ не въ силахъ порушить или передвинуть ничего въ томъ фактическомъ матерьялѣ, который сложенъ въ моей краткой лекціи изъ надежныхъ свидѣтельствъ, заимствованныхъ изъ подлинныхъ источниковъ, вѣрно понятыхъ и критически провѣренныхъ. Облюбованное имъ метаніе кругомъ да около, съ громкимъ крикомъ, не смущаетъ меня нисколько. Его глумленіе остается втунѣ, ибо ему не удалось—употреблю его собственное выраженіе—„нарушить красоту складокъ моей тоги“, которая поэтому и должна сохранить свою прежнюю драпировку. Позволительно однакоже спросить: за что подвергся я этому глумленію? Я не знаю, за что; но я понимаю, почему это случилось. Это случилось потому, что тѣ, кто мнятъ себя спеціалистами по древнѣйшей церковной исторіи въ Кіевской Духовной Академіи, не знаютъ своего предмета по источникамъ, не слѣдятъ за открытіями, привыкли обращаться съ источниками по собственному произволу и замѣнять „разсужденіями отъ разума своего“ ясный языкъ фактовъ и историческихъ свидѣтельствъ. Это случилось, далѣе, потому, что они не только не слѣдятъ за ученой литературой, но и не

могутъ за ней слѣдить по незнанію, или плохому знанію иностранныхъ языковъ. Это случилось, наконецъ, потому, что они не обладаютъ ни въ малѣйшей степени уваженіемъ къ серьезному дѣлу научной работы и не считаютъ для себя обязательными самыя общепринятыя понятія о литературномъ и иномъ приличіи.....

Можно-ли за подобными „представителями науки“ признать право являться на состязаніе по вопросамъ изъ этой области знанія? Какое значеніе въ ученомъ смыслѣ могутъ имѣть ихъ отклики? И не „скандалъ“ ли—позволю себѣ употребить излюбленное слово моего антагониста— для ученаго органа Кіевской Духовной Академіи появленіе на его страницахъ анонимной статьи, въ которой, на ряду съ обнаруженіемъ невѣжества и предосудительнаго невѣдѣнія въ области науки, обнаружены также и всенародно раскрыты пріемы полемики, столь мало соотвѣтствующіе достоинству ученаго учрежденія.

Юліанъ Кулаковскій.



Того же автора:

Христіанская церковь въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ. Публичная лекція, читанная въ Императорскомъ Университетѣ св. Владиміра 8 декабря 1891 г. Кіевъ. 1892. ц. 30 коп.

Вновь открытая Апологія христіанства II вѣка. Кіевъ. 1892. ц. 15 к.